

18+

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕНОВ

Брежнев: «Стальные кулаки в бархатных перчатках»

КНИГА ПЕРВАЯ

Александр Черенов

**Брежнев: «Стальные
кулаки в бархатных
перчатках». Книга первая**

«Издательские решения»

Черенов А.

Брежнев: «Стальные кулаки в бархатных перчатках». Книга первая
/ А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517255-6

«Беспощадный боец со стальными кулаками, хотя и в бархатных перчатках», «Железные кулаки в бархатных перчатках». Это всё — о Брежневе. Леонид Ильич был умным, хитрым и жёстким лидером, настоящим борцом за власть. «Быть Генеральным секретарём ЦК — это не значит благодушно царствовать, это постоянное маневрирование, сложные расчёты, милые улыбки и внезапные удары» (М. Восленский). Настоящий Брежнев — такой. Таким он и побеждает своих куда более образованных и якобы более достойных соперников...

ISBN 978-5-00-517255-6

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвёртая	21
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	40
Глава восьмая	44
Глава девятая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Брежнев: «Стальные кулаки в бархатных перчатках» Книга первая

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-7255-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-7256-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

...Гость ушёл, оставив хозяина в размышлении и глубоких чувствах. К радости последнего, все они были позитивными: визит оказался сколь неожиданным, столь и долгожданным. Теперь для хорошего настроения имелись причины более веские, чем канун Нового года, под который гость угодил – или подгадал – со своим визитом. И самой веской из них была личность гостя. Это был не просто гость, а первый секретарь Днепродзержинского горкома Компартии (большевиков) Украины Константин Степанович Грушевой. А гостил он в кабинете, дверь которого украшала табличка с надписью «Заведующий отделом советской торговли Леонид Ильич Брежнев».

Но табличка украшала дверь лишь с точки зрения других. Сам Леонид Ильич так не считал, несмотря на то, что и дверь с табличкой, и кабинет, и его хозяин находились в здании Днепропетровского обкома КП (б) У. Занимаемой должности, согласно аттестации, Леонид Ильич соответствовал, но стеснялся её. Он считал, что несолидно «сидеть» на торговле в эпоху перемен и лозунга «Пятилетку – в три года!»! Душа рвалась и кричала – и Грушевой услышал «крик»...

– Ну, как дела, Лёня?

Красавец Грушевой – статный, чернобровый, «при волосах» и энергии во взгляде – излучал энтузиазм, и совсем не плакатного типа.

Брежнев честно прокис лицом.

– Понятно, – усмехнулся Грушевой. – «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» – а тут в самую быль засунули?

Леонид Ильич тактично, но выразительно, ушёл глазами. Лицо Грушевого «прибавило» в усмешке.

– Ничего, Лёня: всё – в наших руках.

– ??? – частично «ожил» Брежнев.

– Грядут перемены!

– Не томите, Константин Степанович! – взмолился заведующий отделом. Можно было взмолиться и на «ты», но нельзя: годы – одинаковые, а чины – разные. Хотя всё остальное – почти «один в один». Земляки. Одногодки. Закончили один и тот же – Metallургический – институт. Правда, Грушевой – годом ранее: в тридцать четвёртом. Оба недолго поработали по специальности: и душа рвалась, и начальство «просило». Да и время не позволяло «засиживаться»: ротация кадров шла непрерывно – и не всегда по естественным причинам.

Леонид Ильич не мог не испытывать чувства благодарности к Константину Степановичу. Ведь именно тот посоветовал «товарищам наверху» обратить внимание на перспективного красавца. Брежнев, конечно, и сам не задержался бы в стенах завода – не его «профиль», но спасибо Грушевому: значительно подсократил срок. Как только Константин Степанович «укоренился» в кресле первого секретаря Днепродзержинского горкома партии, он тут же предложил Брежневу, которого помнил ещё по институту, портфель заместителя председателя горисполкома. Шёл май тридцать седьмого.

Это уже было что-то, но всё ещё не то. Правда, Грушевой утешил «подшефного»: «дай срок!» И Леонид Ильич «дал». К его радости – и к чести Константина Степановича – много срока не потребовалось. Поучаствовала и эпоха: места освобождались, чуть ли не ежедневно – и «пачками». Была, конечно, опасность того, что и сам можешь «освободиться» – и прежде «расчётного времени». Так ведь «для того и щука в озере, чтобы карась не дремал». «Любишь кататься – люби и саночки возить». Нужно было рисковать: «не разбив яйца, яичницы не пожаришь!»

Но у Леонида Ильича имелся «железный козырь»: выдвиженец – и выдвиженец без прошлого: ни заслуг, ни грехов. Обременительных знакомств – тоже. Особенно – с представителями категории «иных уж нет – а те далече». Поэтому, досконально изучив прошлое и настоящее протезе, Константин Степанович не только порекомендовал Брежневу написать письмо в ЦК, но и лично отвёз его в Москву, «в кадры», товарищу Маленкову, Георгию Максимилиановичу. Текст он наметил лишь «пунктирно», а писал Брежнев. И написал хорошо: дал и чувство, и веру. Во всяком случае, фраза о том, что Леонид Ильич не мыслит себе жизни вне партии, очень понравилась Маленкову.

И в мае тридцать восьмого Брежнева определили на партийную работу. Он попал в солидную «контору» – Днепропетровский обком, но на несолидную должность: заведующий отделом советской торговли. В те годы народ партийный ещё неправильно относился к значению и возможностям таких постов. Всем хотелось свершений, а не «ключей от лабазов». У всех были «сердца для чести живы». По этой причине все имели «порывы», которые и хотели «посвятить». Как итог: к такой работе у товарищей не лежала душа. Не лежала она и у Леонида Ильича. Не о том он мечтал.

Да и «чревата» была должность: хоть «жить стало лучше, жить стало веселее», а дефицит товаров «имел место быть». Его ведь энтузиазмом не покроешь. Для этого требовались другие ресурсы. Их у Леонида Ильича не было – зато была обязанность ликвидировать дефицит. Обязанность всегда чревата ответственностью – а это, тем паче, в такой «нетворческой обстановке», не способствовало «расходованию порывов»...

– Не томить, говоришь?

Грушевой развернул улыбку, как меха гармони.

– Есть «не таить»? Кого ты видишь перед собой?

– ???

Брежнев не стал экономить на вопросительных знаках: благодетель явно собирался представиться в новом качестве. Судя по мажору на его лице, часть радости предназначалась хозяину кабинета. И – не только для того, чтобы разделить её в традиционном ключе: делёж предполагался «в натуре».

– А, если подумать?

Вопрос не тянул на намёк в недомыслии – и вместо ненужной позы Леонид Ильич лишь тактично усмехнулся.

– «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи».

Грушевой рассмеялся. По-человечески, не номенклатурно.

– Умница, Леонид Ильич! Ты видишь перед собой второго секретаря Днепропетровского обкома КП (б) У!

– Свершилось?! – честно просиял Брежнев.

– Свершилось! И не только для меня.

– ???

Леонид Ильич уже не изумлялся: обмирал в надежде. И Грушевой не стал обманывать их обоих: ни протезе, ни его надежду.

– Я заступаю на пост сразу после, извиняюсь, Рождества Христова. Неделя – максимум, две – и ты займёшь кабинет секретаря обкома по пропаганде.

У Леонида Ильича заблестели глаза: «сбылись мечты идиота!», как сказал бы Остап Бендер.

– А вдруг...

– Никаких «вдруг»: вопрос решён с Хрущёвым! Никита Сергеевич испытывает доверие к тебе. Теперь испытывает... с моей подачи... А Пленум и бюро – это дело второе. Сам знаешь: там лишь «законодательно» оформляют уже принятые решения.

– А Задионченко?

– А что Задионченко?

Равнодушия в лице Грушевого оказалось много больше удивления.

– Семён Борисович – мужик с головой. И он не хуже ветхозаветного Екклесиаста понимает, что всему – своё время. А сейчас ему время помалкивать и делать, как велено. Ведь он «Первый» – лишь потому, что так решили «первые наверху». А они могут и «перерешать».

– А могут?

В голосе Леонида Ильича «блеснула» надежда. В этом вопросе он был «на стороне другой стороны». Нет, он не имел ничего против Задионченко: он всего лишь имел «за» Грушевого. Хотя с Задионченко приходилось считаться. Семён Борисович не был новичком в номенклатуре. И он хорошо усвоил одну непреложную истину: не высовывайся! Надо будет – тебя «высунут». Высунут – поблагодаришь и заверишь. Сиди, обслуживай место и благодетеля – и, глядишь, уцелеешь, а то и поднимешься. Потому что твоё место – то самое «свято», которое «пусто не бывает».

И пока Задионченко вёл себя безупречно – с позиций «законов и обычаев» номенклатуры. Ведь его самого высунули: до назначения «на обком» он сидел в Москве, «на Совнарком РСФСР». И кем: Председателем Совнаркома! Своё выдвижение он расценил как «задвижение», но обижаться счёл делом неразумным. Понимал Семён Борисович, что угодил «из огня – да в полымя»: на «горячее» и даже «горящее» место, которое до него занимал враг народа Хатаевич.

А тут ещё пришлось учиться партийной работе, которой он не знал. И это незнание не могли компенсировать даже неуёмный характер и живой, некабинетный стиль работы. Человек оказался не только на «горячем», но и не на своём месте, хотя делал всё для того, чтобы оправдать доверие товарищей Сталина и Хрущёва. Поэтому он честно нёс груз партийного клерка, и не пытаясь играть в политика. Не высовывался, то есть. Нет, он, конечно же, «клеимил», «заверял» и «осуждал» – но твёрдо при этом знал, где, когда, как и в какой форме можно и нужно это делать. Только так можно было рассчитывать на то, что твой «персональный вопрос» не будет стоять нигде: ни у «стены позора», ни у другой – кирпичной. Вместе с тобой.

Леонид Ильич сработался с Задионченко. Сработался по причине отсутствия точек соприкосновения, не говоря уже о точках пересечения. Он как бы не существовал для Первого секретаря обкома: один не поднимался, а другой не снисходил. Высшей инстанцией для Леонида Ильича был отраслевой секретарь обкома. Дальше – «красный свет». Обидно – но это закон номенклатуры. И ещё: Леонид Ильич не был человеком Задионченко. Ни «ещё», ни «уже». Поэтому у него не было ни шансов, ни перспектив. И поэтому он рассчитывал на Грушевого. Грушевой – энергичный, амбициозный, перспективный. «Пробивной» мужик. И ему, конечно же, должны были понадобиться свои люди на всех «этажах». А Брежнев давно уже был своим для Грушевого. Как и Грушевой – для Брежнева.

У Леонида Ильича вдруг «прорезалось» чутьё на персоналии. Он «увидел» Грушевого и «не увидел» Задионченко. Не увидел, несмотря на различие в статусе обоих. Задионченко был мужик умный – и даже хитрый. Но он был один. За «Первым» не стояло никакой силы, даром, что выдвигал его Хрущёв, а утверждал Сталин. Хрущёв, пусть и не «сдавал» его, всё активнее присматривался к другим. Никите Сергеевичу нужны были свои люди. «Совсем свои» – не успевшие побыть ничьими другими. И хотя Задионченко «не был, не состоял и не привлекался», никаким боком не касаясь имён и дел Постышева, Косиора и Хатаевича, на чин «своего» он явно не тянул. Как итог: сейчас он был ничей – а, значит, никто в перспективе. Увы: «без друзей меня – чуть-чуть, а с друзьями – много».

А, вот, Грушевой – а через него и Брежнев – попали на заметку Никите Сергеевичу. Не «на карандаш»: под благосклонный взор начальства. Как итог: Семён Борисович заканчивался – а они ещё только «начинались». Задионченко «светил» только закат – а Груше-

вому с Брежневым было, в точном соответствии с пожеланием Маяковского, «лет до ста нам расти без старости!».

Хрущёву в обоих нравилась явная склонность к партийной работе. Не к хозяйственной, не к советской: к партийной. В перспективе оба могли образовать «фундамент» и «круг»: власти – и близких. И Грушевой, и Брежнев показались Никите Сергеевичу людьми надёжными, «своими». Особенно – Брежнев. Тот имел немало достоинств. Главные их них: простота, доброжелательность, отсутствие «второго дна». И не с точки зрения Хрущёва: объективно. Хрущёв сам был таким. Поэтому интуитивно он не мог не испытывать симпатии к новому протеже.

Конечно, Никита Сергеевич понимал: этого симпатичного молодого человека тридцати двух лет от роду надо ещё «доводить до кондиции». Но он не сомневался в успехе – а опыт и Леонид Ильич помогали ему в этом. Особенно – второй: быстро понял, что «несгибаемых» гнут, умников одурачивают, а клацающих зубами самих «едят». Выживает «простейший». Примеров тому было великое множество. Леонид Ильич не хотел быть ни «гнутом», ни «одуроченным», ни «уеденным». Поэтому он обязан был научиться искусству выживания.

И он научился. Даже ничтожно малый стаж пребывания в номенклатуре не смог ему помешать: талант. Он научился молчать, когда видел, что начальству хочется «умничать» самому. И он не просто молчал, а с почтением выслушивал благоглупости очередного вождя. Он научился улыбаться тогда, когда начальство ждало этой улыбки – даже если оснований для этого не было никаких. Он научился простоте и открытости, держа при этом мысли настороже и душу на запоре. Он научился – и не только уцелел, но и «пришёл к двору».

Назначение секретарём обкома автоматически означало попадание в резерв на выдвижение. А так как период «состояния в резерве» в то время был весьма непродолжительным, то Леонид Ильич имел все основания полагать, что провинциальный Днепропетровск – не предел...

– Могут ли «перерешать»?

Грушевой с загадочным видом приподнял красивую бровь.

– Могут, Леонид Ильич. Скажу тебе по секрету: над Задюченко уже «капает», а под ним «копают». Товарищ оказался с «прошлым».

– Из «бывших»? – непритворно обомлел Брежнев.

– Ну, зачем так сразу! – рассмеялся Грушевой. – Задюченко «всего лишь» скрыл тот факт, что никакой он не Задюченко и не хохол, а еврей по фамилии Зайончик. Факт – не смертельный, но ведь он скрыл его!

А теперь наши органы усиленно «обряжают» его в поляка и в шпиона Пилсудского. Никита Сергеевич пока «отбил» его – но ты сам понимаешь: всё может быть. Все под Богом ходим: все – солдаты партии. Служим там, где прикажут. Сегодня приказали Задюченко. Завтра прикажут мне. А послезавтра – тебе. Так, что: будь готов!

– Всегда готов! – «оказался пионером» Леонид Ильич, хотя никогда им и не был.

– А я и не сомневаюсь. Идеология – вещь нехитрая: справишься. Хотя у тебя больше склонности к работе с людьми, но и эту ступень надо пройти. Сам понимаешь: без идеологии – никуда.

– Я понимаю.

– И правильно делаешь. Секретарь обкома по пропаганде – не предел. И второй секретарь обкома – тоже.

Столько многозначительности было в словах Грушевого, что Брежнев ещё раз понял – но теперь уже только глазами.

– Вижу, вижу! – одобрил Грушевой. – И очень доволен тем, что мы «нашли друг друга». Я тебе пригожусь, ты – мне. Ничего, что я так откровенен?

– А разве мы – не друзья, Константин Степанович? – решительно «отвёл подозрения» Леонид Ильич.

– Верно, Лёня. Поэтому буду прям: ты мне нужен. Как первое лицо в моей команде. Задюженченко не вечен. Я уже намекнул Никите Сергеевичу.

– ???

– Нет-нет! – усмехнулся Грушевой. – На тебя, а не на Задюженченко. Если он и свернёт шею, то без моей помощи. Хотя вряд ли свернёт: мужик верно рассудил, что лучше быть чьим-то дураком, чем ничейным умником!

Леонид Ильич на мгновение «ушёл в себя».

– Вы уже начинаете собирать команду?

– А чего тянуть?

И тени шуток не нашлось места на лице Грушевого.

– Во власть надо приходиться уже с командой: сплочённой, вооружённой и готовой к боям. Последнее дело: разворачиваться под огнём противника! Да, что я тебя учу: ты сам – недавно из армии...

Грушевой энергично прищурил глаза.

– Я мобилизую тебя, Лёня. Ты мобилизуешь других: у тебя – талант на работу с людьми. Ты для всех – свой. Даже для чужих. Поэтому, Лёня, ты и нужен мне. Как правая рука. Так, что «на пропаганде» ты не засидишься. Кстати, Хрущёв согласен. Пока с мнением, но и это уже не мало. Так, что, отбудешь срок – и пойдёшь дальше.

«Прогноз» Леонид Ильич перенёс достойно: выслушивал похвалы в свой адрес в меру смущённо, в меру добродушно, в меру уважительно. Всё – в меру. Это понравилось Грушевому. Это нравилось всем, кто вступал в контакт с Брежневым.

– ...Твоя сильная сторона, Лёня – организация и психология. Умеешь ты работать с кадрами. А это – не каждому дано. И вроде нет в тебе никаких выдающихся качеств: ты – не вождь, и не трибун – а люди к тебе тянутся. И люди разные, некоторые из которых терпеть друг друга не могут. Это твоё качество здорово пригодится в будущем. И тебе, и мне. Ты понял главное: «кадры решают всё». И не на уровне лозунга, а для применения на практике. Тот, кто овладел кадрами – овладел партией. Работа с людьми – на первом месте. Один, даже самый талантливый – никто. Но создавший команду, даже не будучи «семи пядей во лбу» – сила. И одиночке эту силу никогда не одолеть! В этом очень скоро убедятся и Задюженченко, и все остальные «безлошадные вожди».

Грушевой ещё раз обработал взглядом Брежнева.

– Ты, Лёня – умный и гибкий. «Несгибаемых», видишь, скольких согнули и поломали. Карьерные высоты – не для них, а для таких, как ты. Тебя не смущает термин «карьера»?

– Нет.

Леонид Ильич решил, что после такой дозы откровенности играть в лицемерие было бы слишком.

– И правильно, – в очередной раз одобрил Грушевой. – Ничего зазорного в этом нет. Это только дураки и «дюже идейные» полагают, что делать карьеру в партии – непорядочно. А карьера... Это – всего лишь служебный рост талантливого человека. А ты, Леонид Ильич – талантливый человек. Ты не засидишься на месте. С моей помощью или без – не засидишься. Так, что, я помогу тебе сегодня – ты поможешь мне завтра. Другой забудет добро – а ты нет. Вот ещё, за что я ценю тебя, Леонид Ильич.

– Я не подведу, Константин Степанович.

Брежнев был предельно серьёзен: он уже научился отличать дифирамб от трезвого расчёта.

– Можете на меня положиться.

– Уже ложусь! – рассмеялся Грушевой. – Готовься «сменить квартиру», Леонид Ильич! Кстати, ты собираешься к старикам на Новый год?

– Разумеется, Константин Степанович.

– Ну, так, загляни ко мне «на огонёк». За рюмочкой и договорим...

Дверь кабинета уже давно закрылась с той стороны – а хозяин всё ещё находился под впечатлением от визита. И гость, и его визит стоили и друг друга, и впечатления. А всё – потому что гость был гостем лишь сегодня: в перспективе он гляделся хозяином – и не только этого здания. И его перспективы становились уже и перспективами Леонида Ильича. По этой причине и небо было сегодня голубее, чем вчера, и солнце светило ярче...

Глава вторая

Леонид Ильич бросил взгляд за окно.

– Как быстро пришла осень...

И действительно: хотя днём было ещё почти по-летнему тепло, вечерами становилось уже прохладно и даже холодно. А под утро иногда случались и небольшие заморозки. Берёзы и клёны, как самые чуткие из мира растений к приходу осени, первыми начали менять зелёные наряды – и как-то незаметно для глаза разукрасили городской пейзаж в жёлтые и красные тона.

Брежнев покачал головой.

– Да-а, летит время – не удержишь...

Опять нахлынули воспоминания: возраст, что ли? Грушевой оказался человеком не только слова, но и дела. Вскоре после рождества тридцать девятого он занял кабинет второго секретаря обкома, а уже седьмого февраля Брежнев стал секретарём обкома по пропаганде. Грушевой сразу же показал всем – и много больше, чем «кузькину мать». Он показал, кто является его фаворитом. Весь год они с Брежневым подпирали друг друга – и четвёртого апреля сорокового года Леонид Ильич был утверждён членом бюро обкома. А это – уже совсем другой уровень: «в наш тесный круг не каждый попадал».

Но Грушевой не остановился на достигнутом – и двадцать шестого сентября Брежнев был «возведён в достоинство» третьего секретаря обкома. На его плечи легла вся оборонная промышленность области. Всё шло к тому, что они с Константином Степановичем уже к лету сорок первого составят руководящий дуэт. Но вмешалась война. И, вместо того, чтобы включиться в аппаратные игры, им с Грушевым пришлось включиться в мобилизационную работу: в Днепропетровске создавались части резервной армии. Но и от исполнения обязанностей по руководству оборонной промышленностью области Брежнева никто не освобождал. Не всё прошло гладко, поэтому и по ним прошлись немножко «против шерсти». Но всё – на пользу: чтобы «нюх» не теряли. А когда прошла запарка первых дней, Брежнев запросился в армию. Дезертирством с трудового фронта это не сочли – и просьбу удовлетворили.

И тогда, и потом Леонид Ильич мог сказать о себе, что он не входил в число «ура-патриотов», всерьёз рассчитывавших «закидать шапками» немцев – в духе известной песенки «Если завтра война» или повести Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне». Для столь легковесного подхода он был слишком информированным человеком. Он не только понимал, но и знал, что дела оборачиваются не совсем так, как предполагалось. Точнее: совсем не так. И всё равно подался на фронт. Почему? В ответе на такой вопрос трудно быть до конца честным. Прежде всего – перед собой. Хотел выказать патриотический настрой? Возможно. Хотел доказать личную храбрость? Не исключено. Хотел получить награду и выдвинуться на этой компании – ну, так, как это случилось с героями Испании, Халхин-Гола или «белофинской»? И так могло быть: что тут предосудительного?

Как бы то ни было, но в ведомости на выдачу оружия работникам Днепропетровского обкома партии четырнадцатого июля сорок первого года напротив его фамилии появилась запись: «отбыл на фронт».

До середины сентября Леонид Ильич входил в группу особого назначения при Военном Совете Южного фронта. Затем он получил назначение на должность заместителя начальника Политуправления Южного, а с июля сорок второго – Северо-Кавказского фронта. С первого июля сорок третьего года и до конца войны он – начальник политотдела восемнадцатой армии.

Леонид Ильич мог с полным на то основанием сказать о себе, что на фронте он не был «кабинетным» политработником: этого бы его энергичная натура и не вынесла. Он непрерывно мотался по частям – в том числе, и на передовую. Разумеется, это не могло долго оста-

ваться незамеченным «наверху». Поэтому за участие в Чистяковской наступательной операции в конце декабря сорок первого Брежнев был удостоен своего первого ордена – Красного Знамени. Тогда награждали скупой – если только не «по линии НКВД» – и этот факт уже говорил о многом: Брежнев заметили и в армии.

В октябре сорок второго, в один из тяжелейших периодов Отечественной войны, Леонид Ильич участвовал в боях Черноморской группы под Туапсе. За освобождение Новороссийска в сентябре сорок третьего был удостоен ордена Отечественной войны первой степени.

Довелось ему принимать и непосредственное участие в боях – не с листовкой в руках и не с трибуны. В ночь на двенадцатое декабря сорок третьего года, во время прорыва немцев к Киевскому шоссе в полосе обороны одиннадцатого стрелкового корпуса Леонид Ильич бросил на незащищённый участок офицеров политотдела – других не было – а сам залёг за пулемёт. Атака противника была отбита, а Брежнев открыл личный счёт достоверно уничтоженных им фашистов.

За Карпатскую операцию сентября-ноября сорок четвёртого года Указом Президиума Верховного Совета СССР от второго ноября того же сорок четвёртого Брежневу Леониду Ильичу было присвоено звание «генерал-майор». Было ему тогда тридцать семь: для генерала – «юный» возраст. Сравнение с Бонапартом не обязательно.

В декабре сорок четвёртого он последний раз за войну лично поднял в атаку солдат в Словакии, у гряды Сланских гор, юго-восточнее города Кошице. Тогда это уже было основанием не для награждения, а для выговора. И он едва не получил его от командующего армией Гастиловича.

– Сорок первый вспомнили, Леонид Ильич? – набросился на него с «благодарностями» командарм. – Так на календаре – канун сорок пятого! Негоже генералам ходить в атаку!

Хотя чувствовалось, что Гастилович был доволен решительностью начальника политотдела: этот рывок помог овладеть городом.

Военная судьба обошла Брежнева серьёзными ранениями. Было всего два случая, опасных для жизни. Первый – когда в апреле сорок третьего сейнер «Рица», следовавший из Геленджика в Мысхако, подорвался на mine. Леонида Ильича взрывом выбросило в море. Контузия была лёгкой, но вполне достаточной для того, чтобы успеть пойти ко дну. Спасибо морякам: успели прежде – и сохранили Ильича для истории. И второй случай – тоже связанный с «Малой землёй», когда осколком снаряда полковнику Брежневу выбило челюсть.

Удивительно, но Леонид Ильич дважды отказывался от заманчивых предложений. Первый раз, в сорок третьем, когда ему предложили вернуться в обком – на более высокую должность – для руководства восстановлением разрушенного хозяйства. И второй раз – годом позже, когда Леонид Ильич отказался от назначения на должность начальника Политуправления фронта. С первым отказом всё было ясно: хотел «дойти до Берлина». Сработала психология фронтовика: «уважать себя перестану, если уйду сейчас».

В сознании бывалых солдат такой поступок был сродни дезертирству с передовой. И вряд ли основными компонентами его были избыток героизма и чувства долга. Скорее всего, главенствовал момент психологии, неподдающейся логическому обоснованию: «дойду до конца – и всё тут! Хочу – как все!»

А, вот, мотив второго отказа до конца он не мог объяснить себе и потом. Казалось бы – путь вверх. Оттуда и до члена Военного Совета, и до генерал-лейтенанта – один шаг. Ан, нет: отказался. Почему? Не захотел отрываться от налаженных связей? Возможно: достаточно вспомнить, как солдаты после госпиталя стремились «вернуться домой», в родную часть.

Имелся и ещё один момент: Леонид Ильич был осторожным и рассудительным человеком. Он правильно рассудил, что на том месте, куда его рекомендовали, окажется без поддержки, один на один с людьми, настроенными в отношении него далеко не благодушно. Никто

ещё – как минимум, в душе своей – не восторгался карьерным ростом сослуживца. Поэтому здравый смысл взял верх над мелким тщеславием.

И так было не только на войне, но и после. Леонид Ильич не стремился форсировать события. «Пусть всё идёт своим чередом – а я буду делать то, что мне и следует делать!» И так всё и шло: своим чередом. Леонид Ильич не высовывался – но и особенно не прятался. «По делам вашим судимы будете» – и его заметил Сталин. С подачи Хрущёва. Так Леониду Ильичу довелось «постоять у руля» в Запорожье, в Днепропетровске и Молдавии. В октябре пятьдесят второго он был избран секретарём ЦК КПСС и кандидатом в члены Президиума. Это был уже уровень! И было ему тогда всего сорок пять! Теперь уже можно было заглядывать и в те дали, которые прежде и в телескоп нельзя было увидеть.

Но «недолго музыка играла...»: умер кандидат в благодетели, так и не состоявшийся в качестве такового «по полной программе». Берия и Маленков, в отличие от Хрущёва, не испытывавшие симпатии к Брежневу – не лично, а в числе «неофитов» – вывели его вместе с остальным «сталинским пополнением» из состава Президиума. Предлог сокращения: «обеспечение эффективности руководства». Несколько дней, пока определялась его судьба, Леонид Ильич находился в подвешенном состоянии – пусть даже и упав духом. Но сразу же после похорон Сталина в газетах появилось сообщение о том, что генерал-лейтенант Л. И. Брежнев назначен начальником Политуправления ВМФ – заместителем начальника Главпура. Хорошо ещё, что – так. Да и в звании повысили...

...Воспоминания были не из приятных – и Леонид Ильич нахмурился. Нелегко ему пришлось тогда. Тот год, как на фронте, следовало зачесть за три. Ведь сколько довелось претерпеть! И в основном, от Жукова, не терпевшего политработников и мечтавшего «очистить армию» от них. Правда, и Леонид Ильич отнюдь не был «мальчиком для битья». Ветераны Главпура, многое повидавшие на своём веку, диву давались: генерал-лейтенант Брежнев несколько не трусил хамоватого маршала, и при случае за словом в карман не лез.

А Леонид Ильич рассудил так: «Главпур – отдел ЦК, а не управление Министерства обороны. И пока дело будет обстоять именно так, а не наоборот – чего страстно добивается Жуков – кривоногий заместитель министра обороны ничего мне не сделает. Разве что „попьёт крови“. Но пока за мной Хрущёв – пусть пьёт! Небольшое кровопускание даже врачи рекомендуют!»

Несмотря на мягкость и обходительность, Леонид Ильич не только отбивался, но и переходил в атаку. Знаменитая «директива Брежнева» о демократизации армии наделала в своё время много шума. Это же надо: Брежнев разрешил коммунистам из числа подчинённых критиковать на партсобраниях начальников! Это же – подкоп под единоначалие! Но, с другой стороны: все коммунисты – равны. Хотя бы перед Уставом: все – члены одной партии...

Поэтому многие военачальники вздохнули с облегчением, когда февральский Пленум пятьдесят четвёртого принял решение начать широкое освоение целинных и залежных земель в Поволжье, Сибири и Казахстане. Вздохнули по личным соображениям: служба генерал-лейтенанта Брежнева в Главпуре подошла к концу. Вместе с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко – «главным партизаном» Великой Отечественной – он убыл в Казахстан, где Пономаренко избрали первым, а Брежнева – вторым секретарями ЦК.

На целине Брежнев не оплошал. Это признавали все. Но главное, что это признал тот, чьё мнение было определяющим: Хрущёв. Хотя Леониду Ильичу пришлось туго: целинники были де-факто в пустыню. Это уже годы спустя поборники «дружбы между народов» сочинили байки о «гостеприимном народе, который приютил целинников». Всё обстояло с точностью «до наоборот»: именно первопроходцы занялись устройством жизни наполовину первобытных аборигенов. Они учили их строить дома из кирпича, учили печь хлеб – даже приучали к туалету. Словом, учили их тому, что знали сами. Наверное, именно поэтому вчерашние туземцы

с такой «теплотой» будут впоследствии провожать учителей в формате: «Чемодан! Вокзал! Россия!».

В пятьдесят четвёртом многим – но не всем – целина казалась панацеей. С высоты лет она представляется большим несчастьем для Союза – и, прежде всего, для России. Выиграл только Казахстан: его цивилизовали и сделали независимой житницей. За счёт, прежде всего, России. Ежегодные убытки от целины составляли до двадцати миллионов тонн зерна. Несогласные – и не только постфактум – подсчитали: целина давала прирост в двадцать миллионов, сорок миллионов был бы прирост, не будь целины. Простейшее арифметическое действие выполнит и дошкольник. Лукавство апологетов: «дармовой хлеб целины» разоблачается просто: «дармовой» – если добровольцы приедут сами, голыми, босыми и голодными вручную вырастят и соберут урожай – а сами будут жить в чистом поле. Ладно – химия. А техника? А оборудование? А семена? А горюче-смазочные материалы? А строительные материалы? А жильё? А производственные помещения? А дороги? А элеваторы? А инфраструктура? А поломанные жизни? Целина «влетела в такую копеечку», что никакая демагогия об экономии химических удобрений не в состоянии её реабилитировать.

Но тогда партия – в лице Никиты Сергеича – сказала: «Надо!» – и народ – в лице Леонида Ильича – ответил: «Есть!» Два года из трёх за период секретарства Брежнева выдались урожайными. Но застревать в глуши Леонид Ильич не собирался. Он был предназначен для других, куда больших дел. Не зря же Антон Дельви́г писал: «В судьбу я верил с детских лет...». Правда, Леонид Ильич в судьбу, равно как и в звезду, не верил. Он верил в сугубо материальные вещи: в себя, в номенклатуру и в людей. В своих людей. Или в тех людей, для которых он сам был своим.

Урожай пришлись, как нельзя, кстати. Помогли и друзья: что Леонид Ильич без них! «Кадры решают всё! Кто овладел кадрами – тот овладел партией!». Поэтому Леонид Ильич, не жалея сил и средств, везде, куда бы ни бросала его судьба, обзаводился «своими» людьми. Один из таких людей и помог ему вернуться в Москву: Владимир Владимирович Мацкевич. С ним Леонид Ильич близко сошёлся ещё в ту пору, когда возглавлял Запорожский обком. Тогда, в сорок шестом, Мацкевич был министром животноводства Украинской ССР. В годы целинной эпопеи Владимир Владимирович поднялся до министра сельского хозяйства Союза. Не жалея радужных красок, Мацкевич преподнёс Леонида Ильича как проводника и воплотителя хрущёвских идей – и в пятьдесят шестом Брежнев вернулся в Москву.

На пленуме ЦК после двадцатого съезда его вновь избрали кандидатом в члены Президиума и секретарём ЦК. Уже – «настоящим» кандидатом и «настоящим» секретарём. Ну, а дальше Леонид Ильич «правильно сориентировался в обстановке». В пятьдесят седьмом он поддержал Хрущёва против «сталинистов» Молотова, Маленкова, Кагановича «и примкнувшего к ним» Шепилова – и стал членом Президиума. Успешная работа «в космосе» и «оборонке» позволили ему в шестидесятом стать номинальным главой государства – Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Ворошилову очень вовремя припомнили все его «сталинистские» грешки и связи с «антипартийной группой». А в июне шестьдесят третьего к обязанностям Председателя Президиума он «присовокупил» ещё и обязанности секретаря ЦК. Неофициально – «Второго» секретаря ЦК. Второго после Хрущёва. Вместо ненавистного Фрола Козлова, который слёг в больницу, и по заверениям надёжных врачей, если и вышел бы оттуда, то уже лишь «начинкой» для инвалидного кресла...

Леонид Ильич тряхнул головой и потянулся в кресле: пауза для воспоминаний была закончена. Реминисценции полезны – для поддержания себя в тонусе и понимания того, «откуда есть пошла Земля русская». Прошлое учило настоящее будущему. Но заикливаться на нём не стоило: назревали события...

Глава третья

Июньский, шестьдесят третьего года, Пленум ЦК избрал Брежнева де-факто «Вторым» секретарём. Но одновременно секретарём ЦК был избран и Подгорный. Здесь явно чувствовалась рука Хрущёва. Как и Ленин, который в двадцать втором «не пожалел на себя пепла» в связи с тем, что так легкомысленно позволил Сталину прибрать к рукам аппарат, Хрущёв вдруг понял, что всегда послушный Брежнев явно перестаёт быть таковым. «Лёня» начал демонстрировать своеволие и высказывать мнение, не всегда и не во всём совпадающее с мнением Никиты Сергеевича. И пусть это, чаще всего, было несовпадением в мелочах – но несовпадением!

Кроме того, Брежнев как-то совершенно неожиданно для Хрущёва приобрёл авторитет в Секретариате и ЦК. Это было заметно даже по тому, как многие руководители областных и краевых организаций приветствовали его избрание «Вторым» секретарём ЦК. А уж стычка на Президиуме по поводу «репрессированных народов» «не лезла ни в какие ворота»!

Никита Сергеевич, в последние годы особенно активно полагавший, что только он имеет право на мнение, был неприятно поражён афронтом со стороны Брежнева. А началось всё с того, что при обсуждении вопроса о создании автономных районов советских немцев в Поволжье как-то неожиданно «всплыл» вопрос о народах, подвергшихся репрессиям за участие большого числа их представителей в фашистских карательных формированиях: крымских татарах, карачаевцах, черкесах и так далее. Когда Брежнев начал приводить цифры, характеризующие «участие» «безвинно» наказанных, Хрущёв раздражённо оборвал его:

– Что Вы мне тычете эти цифры! У русских изменников было куда больше!

И тут случилось неожиданное. Леонид Ильич повысил голос на Никиту Сергеевича! Да, как повысил: перемежая цензурную брань с нецензурной!

– Как у Вас язык повернулся такое сказать?! Вы же, трам-та-ра-рам – фронтовик! Защищаете тех, кто мучил наших людей почище гестаповцев?! Чем Вы лучше их?

Слово за слово – сцепились, уже не разбирая выражений. Брежнев очень гордился тем, что ему всю войну довелось прошагать не дорогами, а как он говорил, «бездорожьем» войны. И поэтому ему неприятно было любое слово в защиту тех, с кем ему доводилось встречаться «на тропе войны».

А встречаться доводилось – в том числе, в бою – и с бандеровцами, и с крымскими татарами. В Чехословакии в мае сорок пятого года довелось ему воочию увидеть и власовцев. С тех пор он всегда так болезненно реагировал на любые попытки «отмыть добела» тех, кто не соответствовал даже формату «чёрного кобеля».

Совершенно неожиданно для Хрущёва, Брежнева поддержали и другие члены Президиума: Воронов, Полянский, Мазуров.

– Что-то Вас не туда занесло, Никита Сергеевич! – в сердцах бросил Геннадий Иванович Воронов, первый зам Хрущёва в Бюро ЦК по РСФСР.

– Как же Вы могли такое сказать?! – поддержал его Кирилл Трофимович Мазуров, в годы войны – один из руководителей партизанского движения Белоруссии, почти год находившийся на оккупированной территории на нелегальной работе.

Даже Михаил Андреевич Суслов – сухой, выдержанный, предельно осторожный человек, умевший приспособиться и к Сталину, и к Хрущёву – укоризненно глядя на Никиту Сергеевичу, покачал головой. В годы войны Суслов был членом Военного Совета Северной группы войск Закавказского фронта и начальником Ставропольского краевого штаба партизанских отрядов. Он-то, уж, был знаком с вопросом «национальных формирований» не понаслышке...

Впервые за последние годы Никита Сергеевич встретился с такой дружной оппозицией – и как раз там, где меньше всего ожидал её. Он сконфузился, промямлил что-то нечленораз-

дельное – и быстро перешёл к хозяйственным вопросам повестки. Отступить-то он отступил – но ничего не забыл. И не потому, что был мстительным и злопамятным – хотя он был мстительным и злопамятным. Главное заключалось в другом: слишком хорошо Никита Сергеевич знал реалии политической жизни. Теперь он окончательно убедился в том, что «волчонок вырос в волка». Брежнев явно обозначился соперником в борьбе за власть. Пусть даже – потенциальным, но уже ясно заявившим претензии на самостоятельность!

И Никита Сергеевич предпринял упреждающие шаги. На июньском Пленуме шестьдесят третьего года он «протолкнул» кандидатуру первого секретаря ЦК Компартии Украины Подгорного в секретари ЦК КПСС. Таким образом, амбициям Брежнева создавался противовес в лице не менее амбициозного и по всем параметрам куда более грубого Подгорного.

Николай Викторович действительно многим отличался от Леонида Ильича. И не только характер у них был разный, но и жизненный путь. Подгорный не мог похвалиться военными заслугами: «гужевался в тылу». Окончив в тридцать первом Киевский технологический институт пищевой промышленности, он впоследствии так и работал «по специальности», в «сладкой промышленности»: восемь лет на предприятиях сахарпрома. В тридцать девятом «дослужился» до поста заместителя наркома пищевой промышленности Украины. А за год до войны неожиданно поднялся до замнаркома пищевой промышленности Союза.

Когда началась война, Подгорный был уполномочен Совнаркомом заниматься вопросами продовольственного снабжения армии. Но, видимо, он занимался этим «столь успешно», что уже в сорок втором его понижают в должности до директора Московского технологического института пищевой промышленности. Из замнаркома СССР – в директоры рядового института! И то – потому, что из номенклатуры уходят только «ногами вперёд».

О военной поре Николая Викторовича и сам он, и его биографии говорили потом невнятной скороговоркой, предпочитая быстренько переключаться на сорок четвёртый, когда он вновь был назначен заместителем наркома пищевой промышленности Украины. То есть, вернулся на ту должность, какую занимал пятью годами раньше.

И только в пятидесятом году, когда Подгорному шёл сорок восьмой годок, ему доверили партийную работу: он возглавил Харьковский обком партии. В пятьдесят третьем он ушел секретарём в ЦК КПУ, откуда его десятью годами позже и вытащил в Москву Хрущёв. Никита Сергеевич полагал – и небезосновательно – что Подгорный с его неприкрытыми амбициями и хамством «ляжет бревном» на пути лидерских устремлений Брежнева. Надо отдать должное Хрущёву: он знал кадры. И, чаще всего, безошибочно распознавал людей – особенно их слабости.

Поначалу задумки Никиты Сергеевича сбывались: Подгорный очень настороженно отнёсся к Брежневу, сторонился его и всячески демонстрировал, что они – ровня, и он ни в чём не намерен уступать такому же секретарю, как и сам. Но в отношении Брежнева Хрущёв ошибся: он явно недооценил своего некогда послушного выдвиженца. И, ладно бы, он ошибся в отношении одного лишь Брежнева: он совершил ошибку и в отношении Подгорного, слишком переоценив личную преданность того...

– Николай Викторович, насколько мне известно, Вы – заядлый охотник?

Леонид Ильич знал, на чём «подцепить» коллегу: охота была единственной страстью нового секретаря ЦК. Да и тот знал, что другого такого охотника, как Брежнев, ещё поискать надо. Разве что – сам Никита Сергеевич да Дмитрий Полянский, член Президиума и один из заместителей Хрущёва по Совету Министров. Но Хрущёв – больше «спец» по уткам. А они с Брежневым – по крупной дичи.

Однако не только страсть к охоте двигала Подгорным в его желании ответить согласием на предложение Брежнева. Он уже кое-что прослышал. Даже не столько «прослышал», сколько «кое о чём» начал догадываться. Николай Викторович, сам мастер по части интриг, не был

новичком в политике, и умел держать «нос по ветру». Война – не в счёт: и на старуху бывает проруха.

– Да, пора уже открыть сезон. Когда?

Как два шпиона, они с Брежневым понимали друг друга с полуслова.

– Да в субботу, после обеда – когда же ещё? – «улыбнулся в трубку» Брежнев. – Уикенд, как говорят «у них». Правда – однодневный. Никита Сергеевич никак не расщедрится на второй выходной...

Это было неплохое вступление: ничего лишнего – и при желании не придерёшься!

– А куда?

– В Завидово: лучшего места для охоты и не найти!

– Добре, Леонид Ильич. До субботы.

Николай Викторович мягко положил трубку на рычаги, и задумался в окно...

«Завидово»... Государственное охотничье хозяйство в ста пятидесяти километрах от Москвы по Ленинградскому шоссе. Два часа езды на автомобиле. Брежнев и Подгорный отправились в путь каждый на своей машине: и положение обязывало, и никому не хотелось, чтобы «стукачи» Хрущёва видели их вместе. Упаси, Боже!

Охота была удачной. Во всех смыслах. Особенно для Леонида Ильича, который охотился не только на кабанов, но и на Николая Викторовича. Последний был главной «мишенью» и главной причиной его появления в Завидово именно сегодня.

Конечно, Брежнев приехал бы сюда и без Подгорного: охота была и его страстью. Но приехал бы не раньше сегодняшнего дня: Леонид Ильич был настоящим охотником, а не браконьером, и всегда дожидался открытия сезона. Изнемогая душой и телом, скрипя сердцем и скрежеща зубами – но дожидался! Любовно – в который уже раз – начищал до зеркального блеска стволы ружей, снаряжал патроны – и ждал. Членские взносы в Общество охотников и рыболовов он платил исправно, так же аккуратно, как и партийные. Долгое время – лично сам. Потом уже обязанность «налогоплательщика» приняла на себя Виктория Петровна.

«Завидово» было и обычным охотничьим хозяйством – и, вместе с тем, «необычным». Обыкновенность его определялась стандартным набором «услуг» для охотников, в частности, устройством засад и вышек для стрельбы у мест кормёжки диких животных. Ничего «особенно такого», что резко выделяла бы его от «собратьев по цеху», здесь не было.

«Необычность» же его определялась спецификой клиентуры: в «Завидово» охотились члены партийно-государственного руководства страны – и чуть реже высокопоставленные иностранные визитёры. Никаких «привязанных к деревьям» кабанов и лосей, никаких взводов «загонщиков дичи» здесь не было и в помине: приехал, купил лицензию на отстрел – и иди, стреляй! Никто под «жакан» кабана тебе подводить не будет!

Но ни Брежнев, ни Подгорный в услугах такого рода и не нуждались. И потому, что были непревзойдёнными мастерами по части охоты на крупную дичь: у каждого было и время, и место для того, чтобы набраться опыта и отточить мастерство. И потому, что такие «подставы» унижали их охотничье достоинство. Однажды не в меру услужливые люди хотели помочь Леониду Ильичу добыть кабана. Так обычно мягкий Брежнев «отклонил помощь» таким отборным матом, что бедолаг едва не хватил удар. Пришлось даже вызывать медсестру из завидовского медпункта...

Сегодня охота была удачной: уплаченные за лицензии деньги не пропали даром. В охотничьем домике выпили по рюмочке коньяку: ни Леонид Ильич, ни Николай Викторович не имели склонности к «зелёному змию». И в отличие от Никиты Сергеевича, оба предпочитали водке хороший марочный коньяк. Но рюмка, максимум две, были пределом, что для одного, что для другого: каждый «знал свою норму». При этом и Брежнев, и Подгорный меньше всего руководствовались «зам`очными соображениями для языка»: не пили – и всё тут.

– Вот заметь, Николай Викторович...

Брежнев, как бы невзначай перешёл на «ты»: бывшие попытки «сократить дистанцию» успеха не имели. Ну не будешь же в оправдание «тыканья» ссылаться на то, что в партии – «все друг другу – товарищи и даже братья»!

– ...сколько в Президиуме наших с тобой соратников по охоте на крупную дичь: Митя Полянский, Митя Устинов, Кирилл Мазуров, Гена Воронов, Андрей Кириленко, Витя Гришин, Васо Мжаванадзе. Почти весь состав Президиума!

– Один Никита Сергеевич стоит особняком! – запустил «пробный шар» Подгорный, искоса уставившись на Брежнева испытующим взглядом. – Выпадает из дружных рядов!

Леонид Ильич усмехнулся.

– И не только по части охоты...

Это было сказано настолько многозначительно, что Подгорный мог «законно» похвалить себя за «меткость». Он тут же насторожился – даже уши поджал, словно охотничья собака, почуявшая дичь. Но его ждало разочарование: продолжения не последовало. Леонид Ильич был великим мастером по части «обработки» кадров. Он всё делал, не спеша и основательно. «Товарищу надлежит дозреть!» Именно таким принципом он руководствовался в кадровой работе. «Дозревать» надлежало до всего – и в самом широком диапазоне: от серьёзного разговора – до соучастия и кресла. Всё это – в зависимости от ситуации и «состояния объекта».

Вот и сейчас Леонид Ильич не спешил форсировать события. Он только «бросил наживку» и стал наблюдать за тем, насколько основательно Подгорный её «заглатывает». Но «подсекать» сегодня он и не собирался: пусть Коля «зацепится» покрепче. Чтобы уже «не сорваться».

С тем и расстались. До следующей субботы. Можно было, конечно, приехать и раньше: на неделе-то – не один разрешённый для охоты день. Но работы навалилось – хоть отбавляй. Да и Хрущёв, узнай о том, что его соратники стали «человеком с ружьём» посреди «трудовой» недели, явно не пришёл бы в восторг от такого известия. И причиной тому было бы совсем не нарушение ими трудовой дисциплины...

Всю неделю Николай Викторович изнывал от нетерпения. И не жажда охоты была тому причиной. В лучшем случае, она являлась причиной второй очереди. А главенствовало другое, более сильное, основание: очень, уж, ему хотелось услышать из уст Брежнева продолжение того, что было недосказано в тот выходной. Он не сомневался в том, что «продолжение следует». Один тот факт, что они впервые были в Завидово вдвоём, говорил о многом – даже молча. Ведь все прежние выезды происходили «в расширенном составе» и под неременным руководством «главного охотника страны» Никиты Сергеевича.

В пятницу вечером Николай Викторович позвонил Леониду Ильичу. Сам позвонил. И не только потому, что извёлся ожиданием. Имелась причина и посерьёзней: третьего дня ему пришлось в очередной раз «претерпеть» от Хрущёва. Да ещё – «по линии сельского хозяйства». Когда Николай Викторович сказал, что закупка хлеба за границей – это удар по авторитету Советской власти, Хрущёв вспылил:

– Вы на что намекаете?

– Упаси, Боже: ни на что!

На всякий случай Николай Викторович даже занёс руку для «осенения крестом». Но даже Господь не смог предотвратить гнева Никиты Сергеевича и изливания его на голову секретаря ЦК. Хрущёв «завелся с полуоборота». Даже в совершенно невинном – и совершенно искреннем – «Упаси, Боже!» он расслышал то, чего там и не было: подтекст.

– Может быть, Вам не нравится и линия партии на обеспечение кормами животноводства?

И тут, словно чёрт дёрнул Подгорного. Нет бы промолчать! Да и сказал-то всего очередной дифирамб! Без задней мысли!

– Ну, это, прежде всего – Ваша линия, Никита Сергеевич. Вам принадлежит основная заслуга в культивировании столь ценной кормовой культуры, как кукуруза.

Стерпеть такое было выше сил Хрущёва! Четыре оскорбительных выпада за несколько секунд: «Ваша линия», «основная заслуга», «культивирование», «ценная кормовая культура»! В каждом слове Хрущёву чудился издевательский намёк.

И буря, разумеется, «не задержалась в пути». Никита Сергеевич орал – в том числе и матом – что он действительно вынужден брать на себя всю ответственность, потому, что один только он и работает. А все остальные – бездельники и тунеядцы! А Подгорный идёт неверной тропой охальников, вроде Брежнева и Игнатова!

Под конец истерического монолога, Никита Сергеевич, обдав Николая Викторовича изрядной порцией слюны, недвусмысленно предрёк будущее:

– С одним я разделался – разделаюсь, придёт время, и с другим...

В отличие от катренов Нострадамуса, этому предсказанию можно было верить. Всего двумя годами раньше Игнатов не только не был избран в Президиум ЦК, но и оказался перемещён с поста секретаря ЦК на скромный, ничего не значащий, де-факто церемониальный пост Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. А ведь какие у него были амбиции! Какие планы!

Быстренько вспомняв прошлое, Николай Викторович честно облился потом, и начал отступать к двери. Уже в спину он получил от Хрущёва «на дорожку»:

– Кукуруза тут ни при чём! Всё дело – в людях, в структуре! Надо будет заняться структурой! Ох, надо! Совсем распустились! Распоясались!

«Заниматься структурой» было любимым делом Никиты Сергеевича – неважно, о какого рода «структуре» шла речь...

– Ну, что, Леонид Ильич: не передумал?

Вопрос прозвучал настолько двусмысленно – и в то же время настолько однозначно, что Брежнев усмехнулся. Но формулировка не была следствием косноязычия Подгорного: сказал то, что думал, и то, что хотел сказать. Николай Викторович, хоть и был известным грубияном, мог выразить собственные мысли не только в нецензурной форме.

– Да нет, не передумал. Место встречи изменить нельзя.

– Ну, тогда до встречи, Леонид Ильич! На «месте встречи»...

Глава четвёртая

И вновь Брежнев не спешил «раскрываться». Уже освеживали добытого кабана, уже писали его по кускам всем знакомым: была у Леонида Ильича такая «хлебосольная» привычка – а он всё не начинал разговора «по существу». Николай Викторович с досады «хватил» вторую рюмку – и даже не закусил. Но, даже не закусив, он даже не поморщился: sic!

– Ты сегодня – как встрёпанный воробей. Что случилось, Николай?

Сократив обращение до имени, Брежнев первым сделал шаг навстречу. Это уже было что-то – и Подгорный не только не стал возражать, но и «шагнул» сам.

– Ох, Леонид, и не спрашивай...

И хоть персональные обращения ещё не дошли до уменьшительно-ласкательной формы, «процесс сближения пошёл». И – «семимильными шагами» – пусть и незримо для непосвящённых.

– Никита?

Леонид Ильич был мастером по выходу на суть одним словом: опыт. Мгновенно порозовев лысиной, Подгорный мрачно сверкнул, казалось бы, давно не сверкающим глазом.

– Совсем зарвался Хрущ... С говном бы меня сожрал...

Брежнев усмехнулся. Тонко. Одними глазами, даже не тронув губ.

– Кукуруза?

Лаконизм не изменял Леониду Ильичу, а он – лаконизму.

– И пшеница – тоже...

Николай Викторович также не спешил прибегать к развёрнутым ответам. Чувствовалось, что даже сейчас, по прошествии дней, он остро переживал собственное унижение. Хотя, казалось бы, давно пора и привыкнуть: чай, не впервые. Да и чиновник – такое дело: и барин, и холоп – «в одном наборе». Ни другого образа, ни другого содержания нет – и вряд ли будет.

– Ну, ничего... Коля...

Леонид Ильич последним шагом «перемахнул» расстояние, отделявшее их друг друга.

– ... перемелется. С Никиты, что возьмёшь? Хрущ – он и есть Хрущ!

Явно не играя, Николай Викторович горестно махнул венчиком седых волос вокруг лысины.

– Да, знаешь, Лёня...

Наконец, стороны подобрались «к Рубикону»: все формальности на пути «неформального объяснения» были уже устранены.

– ... сколько же можно терпеть: надоело. А этому – конца и края не видно. И главное, чем дальше в лес, тем больше дров! И, ладно, если бы он ломал их только из дел – так ведь и до нас уже добрался! И вообще...

Подгорный махнул рукой. Даже в огорчении он мог быть вполне доволен собой: сказал всё, не сказав ничего. И имени «тирана» не упомянул ни разу: обошёлся аллегориями и поговорками.

Леонид Ильич оценил это – пусть и одним лишь уважительным взглядом. Но, тем не менее, постарался тут же «уточнить» позицию собеседника. Потому что закреплять надо даже скромные результаты.

– Ты хочешь сказать, что Хрущ зарвался? Я правильно тебя понял?

Николай Викторович понял, что «переправа через Рубикон» началась. «Остаться на этом берегу» он уже не мог. Да и не хотел.

– Ты правильно меня понял: зарвался. И его надо призвать к ответу.

Не ограничившись признанием «в костёр», он вдруг прямо взглянул на собеседника. Даже отблески пламени, скакавшие по лицу Брежнева, не смогли задрапировать сосредото-

ченного взгляда Леонида Ильича: и, отдыхая у костра, он работал. И не только с Подгорным, но и по нему. К чести обоих, ни тот, ни другой не отвели взгляда: *sapienti sat*. Умному – достаточно.

– Я рад, что мы с тобой поговорили откровенно.

Брежнев с чувством подержался за руку Подгорного: следовало поощрить открытость вчерашнего недруга и соперника.

– И полностью согласен с тобой: Хруща надо призвать к ответу. Пора. Давно уже пора.

– Форма?

Разговор пошёл по нарастающей. И это был уже конкретный разговор. Прав Екклесиаст: «время молчать – и время говорить».

Брежнев двинул плечом. Не в порядке демонстрации уклончивости: иллюстрируя раздумье.

– Пленум. К более точному ответу я пока не готов. Но в одном убеждён твёрдо: вопрос надо будет решать на Пленуме. Только Пленум сможет призвать Хруща к ответу. Только он сможет с него «снять стружку». Но Пленум надо готовить, Коля.

Леонид Ильич «нырнул» в глаза Подгорному. Более того: «залез в них с ногами». Но – странное дело: тот и не сопротивлялся. Напротив: «ещё шире распахнул двери». Не ограничившись взглядом, он утвердительно качнул головой и тем, что на ней осталось.

Оба понимали то, что «осталось за скобками». Поэтому лишняя откровенность не требовалась. Её квалифицированно замещал опыт недавнего прошлого. Шесть лет тому назад большинство Президиума – а в это большинство входили авторитетнейшие люди: Молотов, Маленков, Каганович, Булганин, Ворошилов, Шепилов, Сабуров, Первухин – решило «попросить товарища». Оснований для этого уже тогда было более чем достаточно. Только «непроходимый» тупица мог думать о том, что основным мотивом их намерений было желание «повернуть ход истории вспять».

Все эти люди прекрасно разбирались в диалектике и формальной логике. Уже с точки зрения этих наук подобные суждения выглядят чистойшей нелепостью, ибо история – это однонаправленное движение вперёд. Да и «за пределами диалектики» они руководствовались иными мотивами. Прежде других они разглядели то, что уже подходило под «волюнтаризм и субъективизм». Прежде других они поняли, что методы руководства Хрущёва уже принесли вреда много больше, чем даже методы руководства Сталина. И чтобы вред этот не стал непоправимым, Хруща надо было «снимать».

Но «товарищи антипартийцы» просчитались в оценке ситуации. Их сил для свержения будущего «кукурузовода» было недостаточно. Даже в Президиуме – иначе Хрущ уехал бы с заседания домой пенсионером. А, может, и не домой. Но не смогли. На Президиуме не смогли. Что, уж, тут говорить о ЦК, где большинство «горой стояло» за Хрущёва. Даже не за Хрущёва: за спокойный быт. В большинстве своём революционеры и борцы либо сошли «на нет», либо «вышли в тираж». К власти пришёл обыватель, который хотел работать от девяти до шести, и желательно – с двумя выходными. Единственный человек, кто мог обеспечить ему эту жизнь, был Хрущёв. Недаром же Никита Сергеевич стал автором «крылатых слов»: «Работать надо до шести вечера. А тот, кто засиживается на работе после шести или в выходной – бездельник, который не справляется с работой в рабочее время».

Молотов «сотоварищи» этого не учли или не поняли – и проиграли. И проиграли на Пленуме, который и не думали готовить, понадеявшись на Президиум. Итог: клеймо «антипартийной группы» со всеми «законными приложениями».

Леонид Ильич навсегда запомнил этот урок: побеждать врага – бывшего «лучшего друга» – надо прилюдно, с соблюдением принципов внутривнутрипартийного «демократического централизма». Хотя бы – формально. Но процесс не может и не должен быть пущен на самотёк.

Его надо готовить. И не только процесс, но и пленум, и людей. Главное: людей. Потому, что люди – наш главный капитал.

При этих словах, давно уже превращённых в идеологический штамп, Брежнев сейчас не усмехался даже про себя. Как бы ни износились эти слова – а они точно отражали суть проблемы: в конечном итоге всё решает поддержка людей. Своих людей.

– Так что, надо готовить, Коля, – «приговорил» он ладонью по плечу собеседника. – И Пленум, и людей. Возможно, удастся поправить Никиту. Тогда обойдёмся одним внушением. А возможно...

Плечо кандидата в соратники дёрнулось под рукой. Но это не помешало мягкому Леониду Ильичу жёстко закончить:

– ... придётся делать выводы... Организационного характера...

Некоторое время Подгорный молчал, переваривая услышанное. Тема не стала для него сюрпризом. Сюрпризом стала прямота и категоричность Брежнева. В их кругу даже та политкорректность, которой задрапировался Леонид Ильич, иначе и не расценивалась. Но, с другой стороны: «всплакнуть в жилетку» можно было и в более комфортабельных условиях.

– На кого мы можем рассчитывать?

Николай Викторович решительно «перемахнул Рубикон»: и так уже «застоялся на берегу». Конкретика перешла в стадию организационных вопросов – а это уже не охотничьи байки у костра.

Брежнев добродушно улыбнулся.

– Ну, на коллег-охотников, разумеется. Нас должны поддержать...

– «Должны»?

В голосе Подгорного беспокойство основательно «прошло» по надежде. Да и то: неопределённость – в таком деле?!

– Ты, что: ещё ни с кем не разговаривал «по существу»?

– Только намеками.

Леонид Ильич не переменялся ни в голосе, ни в лице: олицетворение мужества. Как минимум – уверенности в себе.

– Но ты не беспокойся: поддержка нам обеспечена. С этой стороны сюрпризов не будет.

– Ну, хорошо, если так, – перевёл дух Подгорный.

– Итак, нас должны поддержать...

Подгорный опять непроизвольно дёрнул щекой – и Леонид Ильич под тонкую усмешку поправился:

– ... поддержат Воронов, Полянский, Мазуров, Шелест, Андропов, Семичастный.

– А Косыгин? – немедленно озаботился Подгорный.

– Поддержит. Когда узнает, что за нами армия и КГБ – поддержит.

– А армия и КГБ – за нами?

«Отработка» шла уже «по полной программе».

– Ну, если я говорю тебе, что нас поддержит Семичастный – значит, и КГБ – тоже.

Брежнев широко улыбнулся. Его улыбка и спокойствие производили уверенность – и это успокаивающе подействовали на Подгорного. Только сейчас Николай Викторович понял, что Брежнев пришёл к этому разговору не с пустыми руками, и что он – не первый собеседник Второго секретаря.

– Что же касается армии, то Генштаб нас поддержит однозначно: Бирюзов – наш человек. Ну, а Малиновский...

Леонид Ильич фыркнул под нос.

– ... Когда увидит нашу силу, задавать ненужных вопросов не станет. Поэтому мы подключим его на последнем этапе. Так же, как и некоторых других.

– Кого именно?

– Например, Шелепина.

– Ты ему не доверяешь?

Брежнев неопределённо двинул плечом.

– Не то, чтобы не доверяю. Просто...

Он задумался на мгновение, собирая то ли мысли, то ли слова.

– ... молод он ещё. Не выдержан. Горяч. «Комсомолец», словом. Может по горячности ляпнуть что-нибудь «не то» и «не там». Пусть Шурик «побудет в резерве». Пока.

– Пожалуй, – согласился Подгорный, и тут же включился в работу. – А снизу?

– Ну, а снизу, за границей...

Брежнев усмехнулся.

– ... Президиума ЦК, нас должны поддержать – тут надо ещё поработать – Кулаков, Устинов, Игнатов...

– Кстати, насчёт Игнатова...

Подгорный вновь озаботился лицом.

– ... Ты не боишься, что он своей болтовнёй может принести нам больше вреда, чем пользы?

– Нет, не боюсь.

Брежнев даже не стал брать паузу для ответа.

– Хруща о высказываниях Игнатова информируют регулярно. Это – не секрет. Ни тот, ни другой и не скрывают «взаимной симпатии». И она не только взаимна, но и доступна «широким партийным массам». И потом, Никита уверен, что ему бояться «какого-то, там» Игнатова нечего. Он убеждён в том, что Игнатов – всего лишь болтун, а не якобинец.

Взбадривая огонь – а через него и собеседника – Леонид Ильич пошуровал палкой в костре.

– А нам с тобой, Коля, Игнатов очень даже пригодится.

– Надеюсь, ты имеешь в виду не его анекдоты о Хрущёве?

– Нет: его обширные связи на местах. Людей-то к Пленуму надо готовить. Вот ему-то мы и поручим обработку «местных товарищей»! Предлоги – какие угодно: от рабочих поездок для ревизии подготовки к севу или уборочной до «невинных» встреч на отдыхе. Кстати, и болтливость Игнатова нам только на руку: никто и не станет обращать внимания на эти поездки! А на всякий случай я попрошу Семичастного, чтобы он обязал местные управления держаться подальше от Николая Григорьевича.

– Думаю, что проще всего будет поговорить с Игнатовым тебе.

Подгорный с трудом оторвал взгляд от костра. И – не только потому, что был заморожен огнём.

– Не думай, что я сдрейфил. Просто ты – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, а он – в такой же должности «на России». Ни у кого эти встречи не вызовут сомнений: начальник вызывает подчинённого – обычное дело. Да и на охоте можно поговорить: Игнатов – заядлый охотник, хоть и не нам чета.

Брежнев кивнул головой.

– Согласен: и поговорить, и с тем, что он – не нам чета.

– А я займусь обкомами и крайкомами, – обрадовался Подгорный. Он никак не ожидал такой покладистости от Брежнева: вопрос-то – деликатный. Политический вопрос. Тут, ведь, как: шаг – вправо, шаг влево – и политический вопрос станет твоим персональным. Уж, Никита постарается. – Обработаю их по той же линии, что ты наметил для Игнатова: подготовка к севу, к уборке, взаимодействие с местными Советами и так далее. Думаю, что Хрущ будет только приветствовать мои поездки по стране. Особенно, если преподнести это в верноподданническом духе: он решит, что я подлизываюсь к нему.

«Чего ему решать, если ты до сих пор только и делал, что подлизывался!» Тоже, понимаешь: секрет Полишинеля!»

Реплика была уже готова соскочить с языка Брежнева, но не следовало травмировать соратника перед боем.

– Годится, Коля. Тогда я на неделе переговорю с Андреем. С Кириленко. Пусть он займётся вплотную Кулаковым.

– Почему им? – удивился Подгорный.

– Ты меня удивляешь!

Под соответствующую усмешку Леонид Ильич вслух удивился удивлению Николая Викторовича.

– Как «почему», Коля? Кулаков «сидит на Ставрополье». А это – Кисловодск, Кавминводы, Маныч – традиционные места отдыха членов ЦК от Северо-Кавказского региона. Где их ещё «наставлять на путь истинный», как не там?

На разъяснения Николай Викторович обижаться не стал: сам напросился. Вместо этого неконструктивного занятия он хохотнул. И то: он не умел «юморить» так, как Брежнев. Но шутку понимал.

– Вот этим и займётся Кулаков. Ты же знаешь, какой он свойский мужик: компанейский, прямой, водку – стаканами, баб – пачками! Верный человек. Он справится. Я в этом не сомневаюсь – и ты не сомневайся.

Леонид Ильич отхлебнул воды из фляжки, и перевёл дух после затянувшегося монолога.

– Ну, а Закавказье возьмёт на себя Васо. Не родился ещё человек, которого не смог бы сагитировать Мжаванадзе! Кого угодно сагирует – хоть чёрта на исповедь!

– Мжаванадзе...

Подгорный скептически покривил щекой.

– Что, Коля?

– О нём такие слухи ходят... Нечист на руку... Вороват... Жуликов покрывает... Взятчиков расплодил...

– Мы его, что: на светский раут зовём?

Брежнев не поскупился на иронию по адресу собеседника. На его месте любой другой полыхнул бы сейчас раздражительностью – а он обошёлся. Как-то умел. Один из немногих – а, может, и вообще один.

– Или выдвигаем его на соискание титула «Самый порядочный человек на свете»? Нет: он нам нужен для других дел. Да, я согласен с тобой: он – жулик. И – жулик, на котором клейма ставить негде. И это – объективно. Но сейчас его отрицательные черты повлияют на решение наших проблем самым положительным образом.

Брежнев сделал паузу, но лишь для того, чтобы разбавить иронию усмешкой.

– Знаешь, Николай, что однажды сказал президент Рузвельт по адресу одного «жука»: «Сомоса, конечно – сукин сын. Но он – наш сукин сын, и мы его в обиду не дадим!». Так, вот: Васо – сукин сын, но он – наш сукин сын.

– Сдаюсь.

Подгорный шутливо поднял руки вверх.

– То-то же, – удовлетворённо «принял капитуляцию» Брежнев.

Некоторое время оба молчали, невидящими глазами уставившись на огонь. Сейчас можно было: «заслужили, однако». Да и вид пылающего костра, потрескивание угольков, улетающие в чёрное небо искры всегда настраивают на умиротворённый лад, на спокойные раздумья о большом, вечном. В самом процессе сидения у костра есть нечто первобытное. И эту «первобытность» из человека не в силах вытравить никакое развитие цивилизации.

– А Суслов? А Микоян? А Козлов?

Подгорный не выдержал первым: вопросы «практического бытия» для него всегда преваляли над «созерцательным размышлением». Таким, уж, он «политически уродился»: абстракции предпочитал конкретику. И вопросы, которыми он выстрелил в Леонида Ильича, были малыми лишь по формату. За каждым из них стояла большая проблема.

– Суслов...

Брежнев с хрустом переломил ветку и подбросил обломки в костёр.

– Этого уведоим в последний момент. В самый последний момент.

Сделав нажим на прилагательном, он внушительным взглядом «одарил» Николая Викторовича, с напряжением ожидавшего ответа.

– Буквально за минуту до времени «Ч». Очень, уж, трусоват наш Михаил Андреевич. Вот тебе и партизан! Впрочем, если бы он был другим, его давно уже сожрали бы: если не Берия, так уж Никита – точно!

Брежнев потёр заросший подбородок – и щекой выразил неудовольствие самому себе. И хотя здесь его не видел никто, кроме obsługi, Леонид Ильич всё равно оставался требовательным к собственному внешнему виду. Не зря ведь он считался в Политбюро образцом элегантности. В отличие от Хрущёва, который был больше занят собой – политиком, чем собой – человеком. Леониду Ильичу удавалось совмещать и то, и другое – и вне конкуренции.

– Что же касается Микояна...

Задумчивости на лице – как не бывало. Рассмеялись оба: не сговариваясь и одновременно. Явно вспомнили анекдот «в тему»: «Выходит Микоян на улицу – а там дождь. Ему говорят: «Анастас Иванович, как же Вы – без зонта-то?» А он отвечает: «Не беспокойтесь, товарищи: я – между струйками, между струйками!» Этот анекдот лучше всех научных и «околонаучных» трудов характеризовал политическую и человеческую сущность Микояна – ловкого и беспринципного «слуги всех господ», от Ленина и до Брежнева.

– ... Он, конечно, будет «до последнего» отираться возле Микиты. Но при этом не делает ничего, чтобы спасти Хруща или помешать нам. Будет «взывать», будет «апеллировать», но мешать не станет. Анастас Иванович – дядя понятливый.

Подгорный опять приснул в кулак: ну, вот, не умел он так метко и лаконично, а главное – с юмором, «определять» людей, как это делал Брежнев. Обнёс его Бог талантом по этой части.

– Козлов...

Добродушное улыбочное лицо Брежнева в мгновение ока утратила всё своё добродушие и всю свою улыбочность. Неспроста утратило: у Леонида Ильича были все основания для того, чтобы, мягко говоря, не любить Фрола Романовича. Ещё совсем недавно этот властный и жёсткий человек считался единственным преемником Хрущёва на обоих постах. Сам Никита Сергеевич не раз – даже во время официальных встреч с главами зарубежных государств и правительств – «рекомендовал» им непременно участника этих встреч Козлова как своего естественного преемника.

Фрол Козлов действительно был вторым человеком в партии и государстве, а иногда – даже первым. Как первый заместитель Хрущёва в Совете Министров и «Второй» – с шестидесятого года – секретарь ЦК, он сосредоточил в своих руках не просто огромную власть: он сосредоточил в них контроль над всеми ключевыми позициями. Он быстро «прибрал к рукам» Министерство обороны, военно-промышленный комплекс и КГБ.

А ведь у кого в руках сила – «у того „девятка“ на руках»! Держал он себя солидно, не лебезил перед Хрущёвым, хотя не было ни одного случая, когда он возразил благодетелю по какому-то принципиальному вопросу, не говоря уже о том, чтобы отказать в поддержке.

Козлов знал, что многим в Президиуме не нравится его всевластие. Фрол Романович мог без труда «подсидеть» любого из членов и кандидатов в члены Президиума: его влияние на Хрущёва было огромным. Но любимчиков Никиты Сергеевича он, как человек осторожный, избегал трогать. Во всяком случае, открыто. Поэтому Леонид Ильич, как один из фаворитов

«Первого», мог чувствовать себя в относительной безопасности. Но только в относительной. И только пока.

Три года Козлов был всемогущ. Состояние его – и его безопасности – существенно улучшилось лишь прошедшим летом, когда существенно ухудшилось состояние его здоровья. Постарался очередной паралич после очередного же кровоизлияния в мозг: уж, очень ненасытным на работу был Фрол Романович. Сколько раз его «команда» просила шефа «побережь себя – для нас» – Козлов отказывался. Может, и правильно делал: уступи он часть своих полномочий тогда – и сегодня не имел бы уже никаких. Потому что «наверху» homo homini – совсем даже не «друг, товарищ и брат». И Леонид Ильич тоже – lupus est. И – один из первых, если не первый.

Но, сколько верёвочки ни виться, а от судьбы не уйдёшь. Так как кровоизлияние оказалось не первым – первое «состоялось» ещё в бытность Козлова вторым секретарём Куйбышевского обкома – на политической карьере Фрола Романовича можно было «ставить крест». А, может, и на человеческой – тоже. В лучшем случае, Козлов мог теперь выйти из больницы... выехав. В инвалидной коляске. Перспективным клиентом «тётеньки с косой». Такому, ему, могли даже посочувствовать. Не сразу, конечно: со временем. После того, как убедились бы, что процесс идёт безостановочно – и в верном направлении: кладбище Новодевичьего монастыря. Хотя ради такого дела не поскупились бы и на Кремлёвскую стену: «мир праху твоему, дорогой Прокофий Осипович!».

Но, если бы и случилось чудо – и Господь, или его Оппонент даровал Козлову возврат трудоспособности, возврата в большую политику даже эти товарищи не смогли бы ему даровать. Потому что политика – удел землян. И здесь указания «сверху» или «снизу» не принимаются в расчёт: что «там» могут понимать в политике?!

Роковой инсульт не был случайным: его вызвал предельно острый разговор с «Первым». И слова «предельно острый» – это ещё самое мягкое определение. Да и разговором это мероприятие было лишь по форме. Содержание даже отдалённо не напоминало его: в чём, в чём – а в этом оба «собеседника» были великие мастера. Всё началось с обмена мнениями. Потом обмен мнениями перешёл в «обмен мнениями друг о друге».

Закончилось же всё традиционно: потоком взаимных угроз. Но, если угрозы Фрола Романовича были только словами, то угрозы Никиты Сергеевича имели реальную перспективу стать делами. В отношении Фрола Романовича: как персональным, так и уголовным. А, чего мелочиться: «коль рубнуть – так, уж, сплеча!»

Произошло это по одной-единственной причине: Козлов «забылся». В какой-то момент он настолько уверовал в свой будущий статус и в то, что Хрущёв без него – «как без рук», что позволил себе критику действий Первого. Особенно резко Фрол Романович «прошёлся» по экономическим экспериментам Никиты Сергеевича.

Но он ошибся: для такого матерого интригана, как Хрущёв, незаменимых людей не было. И об этом тот прямо – в «звучных» и «понятных» выражениях – «довёл до сведения» бывшего фаворита...

– Думаю, что его можно теперь не опасаться.

Брежнев не пожалел немощного Козлова ни голосом, ни взглядом: и рано, и «свежи раны».

– А то наделал бы дел Фролка. Это тебе не Микоян. Будь он сейчас в Кремле, нам пришлось бы первый удар посвятить ему... и по нему... А вдруг рикошет? Или «угол падения равен углу отражения»? Но всё хорошо, что хорошо кончается...

– Когда начнём?

Даже в момент «выхода на финишную прямую» голос Подгорного дрогнул. Им Николай Викторович выдал всё: и нетерпение, и страх, и неверие, и надежду. В отличие от Леонида Ильича, он ещё не был готов к подвигу, хотя и понимал, что от него уже не отвертеться.

– Ты имеешь в виду работу?

Брежнев покосился на соратника. Тот кивнул головой. А, может, и уронил её: в темноте нюансы были плохо различимы.

– Вчера.

Новых вопросов не последовало: Подгорный был слишком умён для них. Жизнь давно уже научила его не задавать вопросов больше, чем требовалось для понимания.

В Москву оба «заговорщика» вернулись, как и в первый раз, порознь...

Глава пятая

– Леонид Ильич, к Вам – Кириленко.

Ожидая распоряжений, Голиков, помощник Брежнева, обратился в вопрос.

– Проси.

Леонид Ильич встал из-за стола и направился к двери. На пороге они с Кириленко оказались одновременно.

– Здравствуйте, Леонид Ильич.

– Здравствуй, Андрей Павлович. Проходи.

Брежнев говорил Кириленко «ты», а тот ему – «Вы», хотя оба были одногодки. Андрей Павлович был даже на пару месяцев старше. Но – Брежнев был Председатель Президиума Верховного Совета Союза и «Второй» секретарь ЦК, а Кириленко – «всего лишь» первый заместитель председателя Бюро ЦК по РСФСР. Хотя – тоже член Президиума ЦК.

С Кириленко Леонид Ильич был знаком ещё с довоенной поры. Но то знакомство было, по большому счёту, «шапочным»: хоть и работали они в соседних областях – Брежнев в Днепропетровской, а Кириленко – в Запорожской, хоть и оба были секретарями обкомов – не первыми тогда ещё, лично встречались они пару раз, не больше. Да и то – на совещаниях. В основном же общение происходило на уровне телефонных разговоров и обмена телеграммами.

Близко же Брежнев и Кириленко сошлись уже после войны, в сорок шестом, когда бывший «об ту пору» начальником Политуправления Прикарпатского военного округа генерал-майор Брежнев был уволен в запас и направлен на партийную работу в Запорожскую область. Тридцатого августа сорок шестого года пленум Запорожского обкома избрал Леонида Ильича первым секретарём. С этого времени и пошёл отсчёт «настоящего» знакомства Брежнева и Кириленко.

Андрей Павлович был, если так можно сказать, ветераном Запорожского обкома. Ещё в тридцать девятом он был избран его секретарём. На день начала войны он был уже вторым секретарём. Стать первым не успел: помешала война. Вскоре после её начала Кириленко стал членом Военного совета армии, а затем работал уполномоченным ГКО на одном из заводов оборонной промышленности. В сорок четвёртом его вернули в обком – на прежнюю должность второго секретаря. В этой должности он и встретил приход нового «Первого».

Надо сказать, что Андрей Павлович оказался весьма толковым и деятельным помощником Леонида Ильича в работе. Можно даже сказать – настоящим соратником: к опыту комсомольской и партийной работы существенно добавлялись и технические знания. Ведь ещё в тридцать шестом Кириленко окончил Рыбинский авиационный институт, и пару лет после этого работал инженером-конструктором на заводе – там же, в Запорожье.

В том, что «Запорожсталь» дала первый чугун уже тридцатого июня сорок седьмого года – значительно раньше сроков, дважды «ужатых» Сталиным: в телефонном разговоре ночью пятнадцатого марта и на Политбюро десятого мая – была немалая доля заслуг Андрея Павловича. И они не остались «безнаказанными»: в том же сорок седьмом Кириленко «вырос» до первого секретаря Николаевского обкома КПУ.

Пути-дорожки Брежнева и Кириленко разошлись. Но Леонид Ильич не забывал о «своём» человеке на Украине: таковым он стал считать Андрея Павловича после кратковременной – всего год и три месяца – совместной работы в Запорожье. Снова они пересеклись в Москве, в феврале пятьдесят шестого, на двадцатом съезде партии. Оба были избраны членами ЦК, но Леонид Ильич – ещё и кандидатом в члены Президиума. Андрей Павлович «поднялся» до «кандидата» в следующем, пятьдесят седьмом, году, когда оба они с Брежневым решительно поддержали Хрущёва в борьбе с «антипартийной группой». И это – при том, что Кириленко оставался всего лишь первым секретарём Свердловского обкома!

Леонид Ильич сумел разглядеть в старом товарище «перспективные блёстки» – и в шестьдесят втором «перетянул» его в Москву, где Андрей Павлович был избран первым заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР. То есть, стал вторым – после Хрущёва – коммунистическим вожаком России...

Но, дружба дружбой – а в таком деле и «семи раз для отмеривания» недостаточно. Прозондировать не мешало и старого знакомого. Брежнев не стал оригинальничать – и следом за Подгорным приглашение «на охоту» получил и Кириленко. Но Андрей Павлович «не подкачал»: с ним не пришлось «возиться» так долго, как с Николаем Викторовичем. Для того чтобы Кириленко «подписался на соучастие», хватило одной поездки. Не потребовалось и много слов: в Завидово Андрей Павлович приехал уже «дозревшим» – и не под влиянием, а «от жизни такой».

Сегодня же Брежнев пригласил Кириленко для того, чтобы поручить ему первое ответственное дело.

– Мы тут с Никитой Сергеевичем согласовывали «график отпусков»...

Брежнев иронически хмыкнул: этот «сугубо гражданский» термин «в соседстве» с высшим руководством страны действительно звучал смешно.

– ...Тебе, Андрей...

Стаж и обстоятельства знакомства позволяли им сокращать обращение до имени. Правда, Кириленко, «печёнкой» чужавший перспективы «старого товарища», пользовался своим правом далеко не всегда: только в минуты наивысшей доверительности. В остальное же время – а в присутствии «третьих лиц» всегда – он обращался к Брежневу исключительно по имени-отчеству и только на «Вы».

– ...отдыхать на следующей неделе в течение пятнадцати рабочих дней. Впрочем, если ты успеешь отдохнуть за более короткий срок, это будет только приветствоваться.

Брежнев выразительно «поел глазами» Кириленко. Тот понимающе кивнул головой, и покосил глазом на стену. Теперь уже Брежнев понимающе смежил веки. И хотя они не думали, что Хрущёв «докатится до «жучков» в кабинетах соратников – сам ведь когда-то клеймил за это Берию, уже, правда, разоблачённого – оба трезво рассудили, что «бережёного Бог бережёт».

– Как обычно: Минводы?

Вопрос Брежнева был лишним, но тоже – «от сбережения». Хотя выбор места не мог вызвать подозрений: там отдыхала едва ли не половина членов Президиума. По отношению к выбору мест отдыха в Президиуме образовалось две численно равные группы. Одна предпочитала Юг: Черноморское побережье Кавказа и Крым. Другая – Северный Кавказ: Кисловодск и близлежащие озёра, лучше которых для охоты и найти было нельзя. Леонид Ильич, несмотря на всю свою преданность охоте, принадлежал к первой группе: так «сложилось исторически». А Андрей Павлович – ко второй. И об этом знали все. Главное: об этом знал Никита Сергеевич.

Поэтому, если поездка Брежнева в Кисловодск могла бы, как минимум, удивить «Первого», то аналогичный визит Кириленко – ни в малейшей степени. Отсюда: кому, как не Андрею Павловичу, и было проводить «разъяснительную работу» «среди» первого секретаря Ставропольского крайкома партии Фёдора Давыдовича Кулакова...

Несмотря на инструктаж Брежнева, Андрей Павлович оказался явно не готов к «формату гостеприимства». Хлебосольство ставропольского «Первого» было специфическим и «несколько» чрезмерным. Встреча была устроена «по высшему разряду». Кириленко не первый раз был на озере Маныч-Гудило, но от этого его впечатления не становились менее яркими. Маныч был настоящим раем – как для дичи, так и для любого охотника на неё. Даже самого взыскательного. Окружающая природа потрясала... своим наличием. Эти роскошные камышово-тростниковые заросли Андрей Павлович «ни за какие коврижки» не променял бы на пальмы и олеандры Ялты или Пицунды! Озеро не просто изобиловало – кишело самой

разнообразной дичью любого «фасона» и «калибра». На любой вкус! И потом: здесь бывали только «свои». Не озеро – сплошные «плюсы»!

То, что озеро находилось на приличном удалении от Кисловодска, тоже было немалым «плюсом». Сейчас – особенно. «Минусом» – и весьма существенным – оказалось только немалое количество горячительных напитков, которые «предложил вниманию и глотке» московского гостя щедрый на угощение хозяин.

Андрей Павлович никогда не проявлял склонности к «зелёному змию», в числе «передовых борцов» с ним замечен не был, и пил больше по необходимости – и всегда в микроскопических дозах. Фёдор Давыдович же, сорокатрёхлетний красавец с густыми выщипавшимися волосами – как у многих «кацапов» Орла и Курска, откуда и был выходцем нынешний «хозяин» Ставрополя – пил «по-чёрному». Леонид Ильич предупредил Кириленко о том, чтобы он не удивлялся лужёной глотке Кулакова, который «глушит» водку стаканами. И не в фигуральном смысле: в буквальном.

После первой «кулаковской» дозы Андрей Павлович, грешным делом, подумал, что одним стаканом дело и закончится. Не дурак же Кулаков, чтобы напиваться в канун важнейшего разговора. Должен же он был понимать, что гость прибыл из Москвы «по его душу», а не для того, чтобы пострелять уток и кабанов!

Но Кириленко ошибся. И хотя дозой Фёдора Давыдовича действительно был стакан, но, увы: только во множественном числе. Обходиться одним тот явно не собирался. Андрей Павлович почти с ужасом глядел на то, как в бездонной утробе Кулакова за какие-то полчаса исчезли две «поллитровки» «белой». Ставропольский «хозяин» действительно пил «по-чёрному». Во всех смыслах: и применительно к количеству зелья, и применительно к штату собутыльников. Штат состоял только из двух «лиц»: его – и бутылки. Андрей Павлович «не помужски» ограничился парой рюмок. Для него уже вторая – то ли «от нервов», то ли «за компанию» – была «за пределами нормы»: обычно хватало одной.

Но самое интересное заключалось в том, что Кулаков, который, по мнению гостя, уже должен был всю демонстрировать заплетающийся язык и осоловевший взгляд, был трезв, «как стекло»: «ни в одном глазу». Создавалось такое впечатление, что он и не пил вовсе.

А Фёдор Давыдович и в самом деле только начинал свой знаменитый «забег в ширину». Этот литр замещал ему «разгонную» стопку: такой же «разгонный». Как ни в чём не бывало, совершенно трезвым красивым баритоном он сыпал анекдот за анекдотом. И делал он это так аккуратно, что ни разу не «заступил за черту»: все анекдоты были из разряда бытовых или же «политически корректных». «Работая параллельно» с текстом, в его безразмерном, как подумалось Кириленко, желудке, один за другим исчезали куски жареной дичи.

Отдав должное питейным талантам хозяина, и поняв, что так можно сидеть до утра – и не один день – Андрей Павлович осторожно «тронул быка за рога».

– Ну, как дела в крае?

– Какие, там, дела, Андрей Павлович? – не поскупился на досаду Кулаков, махнув рукой с совершенно трезвым ожесточением. – А ведь это – Ставрополье! Богатейший край! Да мы могли бы завалить хлебом и прочей сельхозпродукцией треть страны! Если бы только...

Пауза была недолгой.

– ... не эти идиотские «указивки» из Москвы: что сеять, как, когда, куда и где!..

Удовлетворённый трезвым взглядом от обязанного быть пьяным Кулакова, Андрей Павлович улыбнулся. Пожалуй, теперь можно было делать и следующий шаг.

– Так ты, Фёдор Давыдович, полагаешь, что дело – поправимо? При желании, конечно?

– При желании – конечно!

Для «правильного» ответа Кулакову понадобилось лишь поменять интонацию с вопросительной на утвердительную.

Андрей Павлович рассмеялся.

– Ну, Фёдор Давыдович, тебе палец в рот не клади! Поэтому спрошу прямо: как оцениваешь ситуацию в партии и стране? Какими видишь перспективы?

Теперь уже можно было выходить на откровенность: пригодилась информация Брежнева о том, как в минуты изрядного подпития Кулаков «воздаёт» Хрущёву за его «реформаторство».

– Ситуация – непростая.

Заполняя паузу, Кулаков подбросил сушняк в костёр.

– Даже – сложная. И чем дальше, тем сложнее. Непринятие радикальных мер по наведению порядка в самое ближайшее время может пагубным образом отразиться на положении дел, как в партии, так и в стране.

Слушая Кулакова, Андрей Павлович не мог не отдать должное политической ловкости ставропольца. Ни к чему не придерёшься! Даже если бы их сейчас подслушивал сам Хрущёв – и то решил бы, что Кулаков говорит о мерах исключительно хозяйственного порядка! Тем более что Кулаков имел право на подобные высказывания – как лицо компетентное.

Ведь уже в шестьдесят третьем он считался одним из крупнейших специалистов в области сельского хозяйства. Наряду с Брежневым, Полянским, Мацкевичем – ну, и самим Хрущёвым, разумеется. В своё время, в двадцатилетнем возрасте, ещё до войны, Кулаков с отличием окончил сельскохозяйственный техникум – и с тех пор его жизнь, так или иначе, была связана с сельским хозяйством. Он работал управляющим отделением, агрономом, заведующим сельхозотделом, начальником областного сельхозуправления, заместителем министра сельского хозяйства Российской Федерации.

Работая заместителем министра, окончил Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного обучения, после чего был назначен на пост министра хлебопродуктов РСФСР. И уже с этой должности пришёл «на Ставропольский крайком». То есть, человек для сельского хозяйства он был не только не случайный, а нужный и ценный.

Правда, и на его душе были грешки хрущёвских перегибов. Да и как не быть: попал «к волкам» – «соответствуй звуковыми сигналами»! Если, конечно, не рвёшься в полёт: «пробкой» из «тесных рядов». Фёдор Давыдович понимал, что начальство глупит и самодурствует – но делал, как было велено. Скрежетал зубами и словами – но делал. Именно при нём в крае активно искореняли травопольную систему, жёстче, чем с сорняками, боролись с «чистыми парами». Именно при нём по дворам ходили «бригады» «контролёров-ревизоров» и прочих «активистов хрущёвского разлива», которые «взрыхляли» солому на чердаках колхозников в поисках спрятанных кормов для личного скота, искореняемого – в буквальном смысле – по прямому указанию из Кремля, «как пережиток прошлого».

Да и суров бывал порой Фёдор Давыдович не в меру. Таким, уж, уродился. Любил Первый секретарь ломовую силу. Уважал её и систематически прибегал к ней. Правда, злости в его крутости не было вовсе. Кулаков считал так: «кнут не замучит, а научит!». С людьми, понимающими его и «внемлющими девизу», он был, хоть и строг, но «по-отечески». Они всегда могли рассчитывать на то, что Кулаков себя не пожалеет – а прикроет их от несправедного гнева «свыше».

С теми же «сверхчувствительными и мягкотелыми», кто позволял себя обидеться – и не просто, а «наверх» – Фёдор Давыдович расставался быстро и решительно. «За недостаточную требовательность» – такой была любимая и часто единственная формулировка Кулакова «процессуального оформления» расставания...

Кириленко долго ещё ходил кругами, справляясь о разных хозяйственных мелочах и «осыпаясь» второстепенными вопросами, прежде чем по настрою Кулакова понял, что можно отважиться и на большую откровенность.

– Как считаешь, Фёдор Давыдович: не пора ли нам укреплять руководство?

И опять вопрос был сформулирован предельно корректно: а, может, речь идёт об укреплении руководства отраслью?! Но на этот раз Кулаков не стал прятаться за «спасительные» формулировки, вольно или невольно «подсунутые» ему москвичом.

– Считаю, что вопрос назрел. Зарвался, гад.

Сказано это было глаза в глаза – и Кириленко не уловил фальши, как ни старался. Но особенно ему пришлось по душе заключительная фраза. И больше всего – определение, которым автор «наградил» человека – какого, оба они прекрасно понимали. Имелся в виду явно не руководитель отрасли.

– В Москве тоже созрело такое мнение, – наконец, «сознался» он, пытливно глядя на Кулакова. – И оно уже становится преобладающим.

Слова гостя произвели впечатление на хозяина: он тут же откупорил третью бутылку. И так как Андрей Павлович поспешно – и даже испуганно – отказался «составить компанию», «в два стакана» бутылка была опорожнена ставропольским «умельцем». И опять Кириленко не смог определить по лицу Кулакова, чего тот «хватил»: водки или минеральной воды?! Только спустя несколько минут скулы Фёдора Давыдовича порозовели. Но взгляд был незамутнённым, а речь – тверда, как и прежде.

И вновь – уже который раз – Андрей Павлович не мог не восхититься своеобразными талантами хозяина Ставрополя. С таким даром ему бы в шпионы: отбоя от вербовщиков бы не было!

– Я Вас слушаю, Андрей Павлович.

Кулаков решительно отбросил от себя пустую бутылку и едва ли не по-солдатски выпрямил спину. Кириленко понял, что время «ходить кругами» закончилось.

– Мы хотим поручить тебе, Фёдор Давыдович, работу среди секретарей обкомов твоего региона. Я имею в виду: Северный Кавказ. Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Адыгея, Дагестан, Северная Осетия. Ну, и твоё Ставрополье, разумеется. Да, и, пожалуй, Краснодарский край: то же ведь – Кавказ, хоть и с другой стороны!

Кулаков решительно боднул головой. Это действительно был человек дела, который не любил долгих речей, особенно предисловий.

– И ещё...

Кириленко задумчиво потёр ладонью подбородок.

– Скоро к тебе в край потянутся «отдыхающие»...

Он многозначительно «доработал» бровями. Кулаков понимающе усмехнулся.

– ... Так ты их прими должным образом. Помнишь, как в русских сказках: накорми, напои, баньку истопи...

– ... На охоту свози, – с ухмылкой, но «в тон» добавил Кулаков.

Кириленко расхохотался.

– Нет, не зря тебя Леонид Ильич так расхваливал. Не зря!

Глава шестая

– Так, и что у нас получается?

Леонид Ильич склонился над списком членов ЦК и кандидатов в оный.

– Значит, говоришь, Северный Кавказ «отработан»?

– Почти.

– ??? – и Кириленко тут же поправился:

– Кое-что надо ещё закрепить, а кое-кого «довести до готовности».

Брежнев усмехнулся.

– Ну, об этом можешь не беспокоиться: это я поручил Игнатову.

– Ну, и как он?

Глаза Кириленко загорелись непритворным интересом.

– Как отнёсся?

– Нормально отнёсся, – добродушно усмехнулся Брежнев. – С энтузиазмом – и даже с какой-то радостью. С мстительной радостью.

Лицо Кириленко тоже не осталось без мимики.

– Ещё бы! – ухмыльнулся он. – Никита так ему напощал, что до сих пор, небось, задница болит.

– Вот-вот.

Леонид Ильич закончил проставление «крестиков» напротив фамилий «отработанных» членов ЦК, и весело посмотрел на Кириленко.

– Так что Григорьич будет носом рыть землю для того, чтобы подкопать Никитку. Он, кстати, уже выехал на отдых. В Кисловодск.

– А «Лысый»?

Голос Андрея Павловича дрогнул: «на кого умышляем?!».

– А что «Лысый»? – ухмыльнулся Леонид Ильич: оба они с Кириленко – обладатели шикарных шевелюр, имели «законное право» так «аттестовать» Хрущёва. Разумеется, лишь тогда, когда тот не мог слышать. – До него регулярно доводятся слухи о тех эпитетах, которыми награждает его Игнатов. Хрущ уже к ним привык не меньше, чем к похвалам других. Поэтому, даже если он и прознает о встречах Игнатова с секретарями обкомов и крайкомов, вряд ли это его насторожит: Григорьич материт его на каждом шагу. Ну, разве виноваты уши этих секретарей, что они окажутся на пути языка Игнатова?

Кириленко расхохотался: как мастерски умеет Леонид Ильич формулировать самые каверзные мысли! И как он умеет вселять уверенность в соратников!

– А что Николай?

– Подгорный? Работает. И включился очень активно. Мотается по стране. Встречается с людьми. Нюхает, от кого чем «пахнет». В этом отношении на Николая можно положиться: не подведёт. И нюх у него – собачий.

– Семичастный?

Брежнев выдержал паузу в пару секунд, не больше.

– Не мешает. Володя – парень с пониманием. Он быстро «сориентировался в обстановке». Да, и Хрущ ему надоел: Семичастному хочется много больше того, что он имеет сейчас. А Никитка его «затирает», «держит на поводке», постоянно вмешивается в дела Комитета. Да и вообще: не проявляет должного уважения. А после истории с Пеньковским и Винном – особенно...

– А что – Полянский?

Взгляд Брежнева потеплел – а следом за ним и голос.

– Митя? Это, можно сказать – мотор нашего небольшого, но дружного «коллектива». Умница. Работает, как ювелир. Нигде лишний раз «не засветится». Нигде ничего «не ляпнет». И при этом всё делается по плану! Все порученные ему вопросы или уже отработаны, или будут отработаны в ближайшее время: я в этом нисколько не сомневаюсь. Митя – исключительно компетентный и трудолюбивый человек. И у Хруща – в авторитете: не зря он – самый молодой по возрасту член Президиума!

Дифирамбы Леонида Ильича имели под собой основания. Дмитрий Степанович Полянский, рождения седьмого ноября тысяча девятьсот семнадцатого года – знаменательная дата! – в своё время окончил Харьковский сельскохозяйственный институт, работал там же в Харькове, по комсомольской линии. Затем отслужил «срочную», а вернувшись «на гражданку», был направлен в Москву, в ВПШ – Высшую Партийную Школу. По окончании её был «брошен» на Алтай, где работал начальником политотдела МТС и секретарём одного из райкомов партии. В августе-сентябре сорок пятого, после разгрома милитаристской Японии, был включён в состав делегации, которая по личному указанию Сталина направлялась на Курилы и Сахалин для определения перспектив их народнохозяйственного развития.

Неожиданно глава делегации Анастас Микоян серьёзно заболел – настоящей, а не «дипломатической» болезнью – и двадцатисемилетнему Полянскому, опять же по личному указанию вождя, пришлось самому возглавить делегацию. Справился с порученным делом он хорошо, заслужив одобрение Сталина – и его дела «пошли вверх». А вместе с ними – и карьера. Уже в сорок девятом году в возрасте тридцати одного года Полянский становится вторым секретарём Крымского обкома ВКП (б).

Вскоре по «ленинградскому» делу «оптимизируют» первого секретаря обкома, выходца из Ленинграда Соловьёва – и Полянский становится самым молодым в партии руководителем областной организации. Если бы не внезапный уход Сталина: «подвёл вождь!» – быть бы ему в скором времени в Москве, в Президиуме ЦК.

Но не только «неплановый уход» вождя переиначил судьбу Дмитрия Степановича. В пятьдесят четвёртом «тихой сапой» – а точнее, бесконечной чередой интриг – дорвавшийся до власти Хрущёв решил передать Крым Украине. Так сказать, в подарок славному юбилею: «Триста лет – вместе!», в приложение к тосту «За дружбу между народами!»

Поразились все – а некоторые даже не смолчали. В числе тех, кто не смолчал, оказался и Полянский. И он не просто не смолчал – а не смолчал на областной партконференции, и даже в обращении в ЦК. Его, разумеется, «не поняли». Потому что «хорошо поняли». Потому, что он «не понял». «Не понял линии партии» – в лице единственного уже «чертёжника».

В результате Полянский оказался в далёком, глухом и совсем не «солнечном» Оренбурге. Но ему ещё повезло: некоторые из «особо непонятливых» пострадали куда серьёзней. Например, «главный партизан страны» Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Член Президиума и секретарь ЦК был скоренько определён в министры культуры, а затем «сослан» в Казахстан – и дальше: в заштатные Нидерланды. Именно с Пономаренко началась практика «трудоустройства» опальных вождей «по дипломатической линии».

Полянский не пал духом и продолжал работать. Но уже «берёт голос». «Наверху» это оценили – и «перебросили» его на «тёплое» – во всех смыслах – место: в Краснодарский край. Тоже – первым секретарём.

В июне пятьдесят восьмого сорокалетний Полянский – тогда уже Председатель Совета Министров РСФСР – избирается кандидатом в члены Президиума ЦК. В мае шестидесятого он, наконец, «дорастает» до «полного» члена Президиума – за компанию с Косыгиным и Подгорным. А двумя годами позже он получает назначение на должность одного из заместителей Хрущёва в Совете Министров СССР. Совсем неплохо для его лет, особенно с учётом того, что ещё в пятьдесят четвёртом карьера его могла пресечься раз и навсегда.

Это говорило о многом. О многих талантах Дмитрия Степановича. В числе главных из них – наряду с умом, трудолюбием и организаторским даром – было отменное политическое чутьё. Чутьё момента. Чутьё опасности. Чутьё решающего шага. А ещё – этот невероятный талант по части мимики! Уж кого-кого – а его, Диму Полянского, Никита Сергеевич никогда бы не заподозрил в нелояльности. «Никогда бы» – и так и сделал: не заподозрил!

... – Как видишь, работа идёт. Работают люди.

Леонид Ильич положил список в кожаную папку – всегда предпочитал вещи из натуральных материалов – и бросил её в сейф. Глухо щёлкнул замок.

– На днях «отработаю» Шелеста: твоя информация по нему показалась мне перспективной...

... – Пётр Ефимович? Приветствую тебя: Брежнев.

Голос Леонида Ильича генерировал неподдельное удовольствие от общения с руководителем коммунистов Украины. Но, даже если удовольствие и было поддельным, никто не распознал бы «подделку»: Брежнев являлся непревзойдённым мастером по части демонстрации чувств – подлинных и... всех остальных. Это было у него от природы. Распознав в себе эти качества, Леонид Ильич не пустил «дело на самотёк»: развивал, оттачивал и шлифовал мастерство ежедневно. И не было ещё ни одного человека, который не поддавался бы его чарам. Даже Хрущёву, долгие годы вынужденному «косить» под «щирого козака» и выплясывать гопака перед Сталиным, было в этом плане далеко до Леонида Ильича.

В редкие минуты откровения – с самим собой – Брежнев с благодарностью вспоминал Грушевого. В политике Константин Степанович оказался его «крёстным отцом». Именно он порекомендовал Леониду Ильичу шире практиковать наличные таланты для достижения своих целей. Именно он раскрыл Брежневу суть «борьбы при социализме»: борьба «за портфель». А «портфель» можно было обрести, только «внушив» и «обаяв». И уже много позже – «подсидев», «подставив» и «подкопав».

– Жаль, что ты мало читаешь, Леонид Ильич, – сказал он однажды Брежневу. – Есть у Аверченко такой рассказ: «Бритва в киселе». Так вот, там актриса Бронзова по наивности думала, что она сможет легко управлять показавшимся ей «киселём» литератором Ошмянским. А он ей, вроде, и не перечил ни в чём – но всегда в итоге побеждал. Побеждал, не воюя: ну, что может сделать «бритва» с киселем!

Леонид Ильич навсегда запомнил плутовской взгляд, которым его тогда одарил Константин Степанович:

– В тебе, Лёня, есть немало достоинств Ошмянского. Пользуйся ими...

Это искусство пришлось Леониду Ильичу не только по плечу, но и по душе. А она у него была, ой, какой непростой! И те, кто неправильно представлял её, горько жалели о том. Увы – постфактум: до конца дней своих...

– Пётр Ефимович, я слышал, ты на днях будешь у нас на Старой площади?

До уха Леонида Ильича донёсся протяжный вздох – формата стоны, и даже – некрасовского, который «...у них песней зовётся».

– Да уж, буду... Вызывают... И не на днях – а прямо завтра. Никита Сергеевич сказал, чтобы к полудню был, «как штык»... Так, что, прямо с утрачка и вылечу...

– Ну, так загляни ко мне – как отрапортуешься: есть вопросы... организационного порядка.

Опять «с той стороны» донёсся вздох, он же стон.

– «Отрапортуешься»... Мне бы твой оптимизм, Леонид Ильич... Ладно, буду...

Брежнев знал, какое время выбрать для встречи с Шелестом. Выделил он час до встречи того с Хрущёвым – и откровенного разговора не получилось бы наверняка: Пётр Ефимович – хохол хитрющий, «себе – на уме». Начнёт «вилять» – и так и не скажет ни «да», ни «нет».

А встреча после «общения» с Никитой – это совсем другое дело. Это, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

Вопрос, по которому «Первый» вызывал Шелеста, не составлял тайны для Леонида Ильича. Он знал, что не на «чаепитие из бутылки»: «на ковёр». В результате второй подряд засухи в большинстве зерносеющих регионов Украины, в республике сложилась тяжёлая ситуация не только с обеспечением населения хлебом, но и с обеспечением скота кормами. Выгорело почти всё. Подчистую.

Петр Ефимович – руководитель крутой и дельный – сделал всё или почти всё – для того, чтобы свести ущерб к минимуму. Порядку стало больше, но только не кормов. Особенно пострадала кукуруза – главная любовь и забота Никиты Сергеевича. Ведь именно за счёт кукурузы Хрущёв намеревался решить проблему кормов. Кукуруза представлялась ему – да и не ему одному – ценнейшей в этом отношении культурой. Так оно и было. Вопрос заключался только в подходе к её насаждению.

А вот тут уже начиналась «заковыка». Можно даже сказать: «загогулина». Никита Сергеевич использовал глагол «насаждать» во всех смыслах: от «сажать в землю» до «вбивать кулаком». Другой формы «наделения добром» он не признавал. И кукурузу начали сеять повсюду: от причерноморских степей до северных окраин, включая Вологду и Архангельск. На Украине же решено было освоить кукурузой огромные площади безводных крымских степей.

Но Таврия – зона рискованного земледелия. Вот, говорят: кто не рискует – тот не пьёт шампанского. Шелест рискнул: попробовал бы не рискнуть! Но рискнул он не только на свою голову, но и на свою задницу: алкоголизм на почве злоупотребления шампанским ему теперь явно «не грозил». А всё – погода: два засушливых лета подряд. В очередной раз «небесная канцелярия» не снизошла к мольбам хлеборобов и партийных работников. И теперь Петру Ефимовичу нужно было ехать в «первопрестольную»: держать ответ. Авторство грехов никого не интересовало: Шелест был избран «на безальтернативной основе».

Для заклания – в качестве агнца. Потому что «у сильного всегда бессильный виноват»...

– Здорово, Пётр Ефимович! Да на тебе лица нет! Ты где его забыл?

– Где забыл, спрашиваешь?

Не приняв шутку даже кислой улыбкой, Шелест обречённо махнул рукой.

– В кабинете у Первого... Там, где его с меня сняли... Вместе «со стружкой».

Пётр Ефимович совсем по-мальчишески шумно повёл носом.

– Ты бы слышал, Леонид Ильич, как он меня крыл! Я ведь и сам, знаешь, мастер, но таких слов ещё не слыхивал! Просто смешал меня с говном! Веришь ли, не помню, как и вышел от него! Хотя, скорее всего, не вышел: или вылетел, или вывалился. Не помню. Сволочь!

Последнее – и явно искреннее – слово вылетело из Петра Ефимовича помимо желания хозяина. Но Леонид Ильич не стал цепляться за случайность: ему нужен был «готовый продукт». Ведь не зря пелось в старинной народной песне: «Одна снежинка – ещё не снег, ещё не снег, одна дождинка – ещё не дождь». Товарища следовало подготовить: вскрыть «по полной» и довести до кондиции. Для шантажа даже случайное признание годилось. Для серьёзной работы – нет. Здесь требовалось чистосердечное признание: объёмистое и с куда большим количеством матерков в адрес «объекта работы».

– Садись, Пётр Ефимович: поговорим.

Шелест, промакивая лысину уже далеко не белоснежным платком – явно «напромакивался» у Хрущёва – грузно опустил полный зад на кожаный диван. Леонид Ильич пристроился рядом.

– Помочь-то хоть обещал?

– Угу, – буркнул Пётр Ефимович, не поднимая головы. – Расстаться с партийным билетом. «Я, – говорит, – вижу, что эта ноша Вам не по плечу. Там могу избавить Вас от неё!» Ну, а потом сразу перешёл на «ты» – и добавил ещё пару слов... по-русски... в мой адрес...

Шелест поднял голову, «по дороге роняя» совсем даже не скупую и не совсем мужскую слезу.

– Знаешь, Лёня...

Иногда они с Брежневым «доходили» в обращении до имён: земляки, как-никак.

– ... порой так хочется плюнуть ему в рожу: «допекает», гад!

Дубль «аттестации» уже внушал доверие – и Леонид Ильич сочувственно похлопал ладонью по дрожащей руке Шелеста.

– Плюнуть, конечно, можно, Петя... Только, думаю, что это – не выход... Этим дела не поправишь...

Шелест моментально отставил слёзы.

– Я тоже думаю, что Никитку пора уже призвать к порядку!

Удивительно, но «хитрый хохол» не стал «валить Ваньку» и изображать непонимание, вызывая Брежнева на большую откровенность. Это было необычно для него, но видимо, и в самом деле «припекло мужика».

– Рад, что ты понимаешь всё так, как и следует понимать.

Брежнев обнял Шелеста за плечи.

– И рад, что не стал «косить под убогого». Уж, если мы не будем доверять друг другу, то, что говорить о других?! Этот тип так и будет измываться – над нами, над партией, над страной! Над всем народом!

– Согласен!

Шелест решительно тряхнул крупной лобастой головой. Больше трясти было нечем: остальные принадлежности Пётр Ефимович растряс «по дороге наверх».

– Мы хотим поручить тебе...

– «Мы»?!

Хитрющие глазки Шелеста переполняло любопытство. Но Леонид Ильич не стал играть в конспирацию. Вместо этого он выразительно поиграл своими знаменитыми уже бровями.

– Мы, Петя. То есть, руководители центрального, республиканских, областных и краевых аппаратов партии!

Перечисление впечатлило Петра Ефимовича – и он не стал домогаться конкретизации.

– Так вот, Петро: мы готовы к разным вариантам развития событий. Конечно, не хотелось бы доводить дело до крайностей. Никита – не совсем потерянный ещё человек. Но с ним нужно работать! Пора кончать – не с ним, так с его самодурством!

Шелест насторожился. Он уже понял: Брежнев хочет что-то поручить ему персонально. И это «что-то» наверняка имеет отношение к Хрущёву. Он полностью разделял оценки Леонида Ильича, но лично вступать в противостояние с Хрущёвым?!

– Мы намерены поручить тебе составить товарищеский разговор с Никитой. Он к тебе благоволит, несмотря ни на что. И он тебя послушается! Скажи ему, что...

– Э, нет!

Пётр Ефимович даже отдвинулся от Брежнева.

– Как это: «скажи»? Где?!

– Да на Пленуме! У себя, в Киеве!

– На Пленуме?!

Шелест вскочил с дивана, как ужаленный.

– Ты в своём уме, Лёня? Да он же меня сожрёт!

– Так ведь ты говоришь, что уже сожрал?

– Дотла доест! И кости обгложет!

Наступило, как пишут в романах, неопределённое молчание. Взглядом раскрасневшихся глаз Шелест выплёскивал из себя весь негатив к предложению Второго секретаря: «подставляют»! Но он ошибался: Брежнев и не думал его «подставлять». Всё это укладывалось в про-

цесс «кулинарной обработки» Петра Ефимовича. «Хитрый хохол» должен был увидеть, что иного выхода, чем тот, который ему предложат, нет. А это «якобы предложение» было всего лишь стадией подготовки Шелеста к безболезненному восприятию ключевой идеи. Пётр Ефимович должен был как бы сам дойти до неё.

Брежнев простецки обработал пальцами мочку уха.

– Это, конечно, верно. Но я думал... мы думали, что вы его там «пропесочите»... «снимите с него стружку»... Хрущ и образумится... Но ты прав: неизвестно ещё, как оно всё там может обернуться...

– Вот именно! – вновь исполнился энергии Шелест: почему бы и нет, если пронесло?! – Это всё равно, что самому лезть в пасть людоеду! Разговор без подготовки, без поддержки?! Нет, так не годится! Да и не разговоры с ним надо разговаривать!

Это уже было что-то – и Леонид Ильич не стал медлить с заинтересованным взглядом. Удивительно, но Шелест не пошёл в отказ.

– Ну, что ты так на меня смотришь, Лёня? Что: неправду я сказал, что ли? Ты и сам понимаешь, что с Хрущом надо кончать! Ну, ты же сам вызвал меня на этот разговор, Лёня!

Леонид Ильич молчал недолго: товарищ «дозревал» прямо на глазах. «Процесс дозаривания» подошёл к логическому концу, нужная «спелость» была достигнута. Оставалось лишь «выходить на коду».

– Хорошо, Петя.

Брежнев улыбнулся – по-свойски, как только он и умел.

– Сколько человек ты сможешь «отработать» и «организовать»? Ты ведь свои кадры лучше знаешь?

– Из «цекистов» от Украины?

Шелест собрал гармошкой морщины на лбу: задумался.

– Думаю, человек двадцать пять-двадцать семь, минимум: «любовь» к Хрущу – повсеместная.

– Очень хорошо.

Леонид Ильич подошёл к сейфу, извлёк из него заветную папку со списком и заглянул в него.

– Так, значит, от тебя в ЦК – тридцать четыре человека. Двадцать пять-двадцать семь наших сторонников – это неплохо. Совсем неплохо.

Пётр Ефимович «оптимистично» кашлянул, явно довольный положительной оценкой своих трудов – пусть и будущих. Похвалы окрыляли – и он «молодецки развернул грудь».

– Ну, я ведь сказал тебе: двадцать пять-двадцать семь – это минимум. Постараюсь «образовать» еще человека три-четыре. Но остаток – тоже человека три-четыре – это хрущевисты неисправимые: уж, очень они обласканы Никиткой!

Брежнев спокойно пожал плечами.

– Ну, если враг не сдаётся...

Шелест не читал Горького, но намёк понял.

– Зробилю, Леонид Ильич: можешь не беспокоиться!

– Действуй, Петя!

Леонид Ильич крепко пожал руку повеселевшему Шелесту.

– Мы рассчитываем на тебя...

Он хотел сказать «я», но в последний момент решил, что «мы» прозвучит внушительнее. И был прав...

Глава седьмая

«Ты и сам понимаешь, что с Хрущом надо кончать!»

Прокрутив в уме финал разговора с Шелестом, Леонид Ильич задумался.

«Кончать!» А что, если...»

Рука его потянулась к одному из телефонных аппаратов с гербом вместо наборного диска.

– Владимир Ефимович? Здравствуй. Брежнев. Как дела? На охоту-то собираешься?

Удивить подобным вопросом кого-либо из членов Президиума было невозможно: охота была всеобщей страстью. Всеобщей и всепоглощающей. И ей действительно были подвержены все – и куда активнее той любви, которой «все возрасты покорны». Разве что Косыгин с Суловым «выпадали из дружных рядов». Первый любил академическую греблю, и если куда и выбирался, то лишь затем, чтобы походить на байдарке. Второй вообще сторонился активного отдыха, предпочитая ему «забывание козла» со своими помощниками или охранниками. Правда, иногда и Михаилу Андреевичу волей-неволей приходилось навешивать на себя ружьё и изо всех сил имитировать «одну, но пламенную страсть». Исключительно «в силу производственной необходимости»: не по душе ему было это занятие.

А вот Владимир Ефимович Семичастный – бывший руководитель союзного комсомола и нынешний руководитель Комитета государственной безопасности – являлся охотником настоящим, заядлым. Не таким умелым и опытным, как Хрущёв с Брежневым или те же Подгорный с Полянским, но не дилетантом. Охоту он любил искренне, всей душой. Ружьё и патроны всегда снаряжал сам, как настоящий охотник, не доверяя этого ответственного дела посторонним рукам.

– С нашим удовольствием, Леонид Ильич! – весело откликнулся он. Правда, голос его при этом слегка дрогнул: Семичастный уже был «подключённым». Но если бы кто-нибудь и мог подслушать этот разговор, то ничего «такого» бы не заподозрил: ну, радуется человек грядущему выходному! Ну, и что тут крамольного?!

– Тогда – как обычно. До встречи, Володя!

Брежнев не стал уточнять ни времени, ни места: не в первый раз он охотился с Семичастным. В том числе – и после того, как поговорил с главой КГБ «по душам». Правда, соблюдая при этом осторожность, ловко вуалируя «острые темы» анекдотами, охотничьими байками, меткими бытовыми зарисовками – и всё это «под гарнир» из дружелюбия и доброжелательности.

Но подобные меры были излишними: Семичастный давно созрел. Сам. Без посторонней помощи. Ему нужен был лишь «толчок извне», чтобы «завестись». Источником этой «кинетической энергии» и стал их с Брежневым разговор. И хотя Леонид Ильич первоначально не думал подключать Семичастного к работе так рано, откладывая этот момент на конец организационного периода, обстоятельства вынудили его ускорить привлечение руководителя КГБ.

В роли этих обстоятельств, как Брежнев и предполагал с самого начала, выступил Игнатов. Уж, очень болтливым оказался «президент» Российской Федерации! Все попытки «вразумить» и «призвать» оказались «гласом вопиющего». В отличие от «гласа» самого Игнатова: тот «крыл» Хруща на всех углах. И это бы ещё – полбеда: к привычным – даже для Никиты Сергеевича – оскорблениям он стал всё чаще добавлять фразу о том, что скоро Хрущу конец!

Информация о «видоизменившихся» «проклятиях» Игнатова тут же пошла «наверх» в Москву: агентура Хрущёва на местах не дремала. Болтливость российского «президента» могла поставить под удар всех – и Леонид Ильич был вынужден пойти на «досрочное подключение» Семичастного. Требовалось немедленно перекрыть каналы утечки информации, а там, где делать это было уже поздно – обставить факт таким образом, чтобы Хрущёв не поверил

Игнатову. Ну, будто опальный Николай Григорьевич от злости на Никиту Сергеевича «совсем того»: выдаёт желаемое за действительное!

И Владимир Ефимович постарался на славу: Хрущёв информацию принял, но и только. Он, конечно, ни на мгновение не усомнился в том, что Игнатов действительно сказал то, что сказал. Но, проанализировав информацию из УКГБ тех областей, где «побывал с визитами» Игнатов, Никита Сергеевич пришёл к твёрдому убеждению о том, что тот просто «надувает щёки» и ничего серьёзного за его словами не стоит.

Заслуга Семичастного состояла в том, что он не только тенденциозно подобрал и тщательно препарировал информацию. Он ещё и организовал грамотную утечку её через тех руководителей областных управлений, которые ориентировались на Хрущёва и пользовались его полным доверием.

Угроза разоблачения – как болтуна Игнатова, так и представителей «Центра» – была устранена. Этому не смогло помешать даже то, что Алексей Аджубей – зять Хрущёва, и сын «дорогого Никиты Сергеевича» – Сергей проявляли живой интерес ко всем «телодвижениям» вокруг утратившего бдительность «ясновельможного» родственника. И опять же – благодаря Семичастному. Владимир Ефимович, находившийся в приятельских отношениях с Аджубеем, смог настолько убедительно «дезаурировать» Игнатова, что и зять, и сын на время успокоились и не предпринимали никаких шагов для получения информации из других источников...

Охота была, как всегда, удачной. В отличие от Хрущёва, который был настолько амбициозен, что все удачные выстрелы приписывал себе (некоторые «искатели справедливости» поплатились за это местами), Леонид Ильич пару раз «невольно» «подыграл» Владимиру Ефимовичу. Да так искусно – выстрел в выстрел – что тот и не заметил.

Поздравляя сияющего от удовольствия генерала с удачной охотой, Брежнев с удовлетворением наблюдал за тем, как того распирает от чувства гордости за подвиг, который, минимум, следовало разделить на них двоих. Но Леонид Ильич без колебаний поделился лаврами и дичью. Не мог же он позволить руководителю КГБ с завистью наблюдать за тем, как его напарник без устали пополняет свой ягдташ?! Ведь от зависти недалеко и до неприязни – а там и...

Уже сидя у костра, Брежнев как бы «вскользь» сказал:

– Кстати, был тут у меня днями Шелест... По нашему делу...

И хотя должной многозначительности в его «якобы отсутствующем» взгляде и не имелось, Владимир Ефимович сразу же «перестал быть охотником». Рука его замерла на ручке вертела, на который были насажены жирные тетерева.

– И что? – совместил он вопрос с глотанием слюны – явно не гастрономического происхождения.

Брежнев не спешил с ответом. Вместо этого он принялся старательно ворошить толстой суковатой палкой сухие ветки в костре, и без того хорошо прогорающие.

– И что? – поднялся октавой выше Семичастный: не хватило выдержки.

Не спеша «разобравшись» с костром, Леонид Ильич мастерски отработал за «Ильича Первого»: «уоставил без промаха бьющий глаз».

– Он предлагает не миндальничать с «объектом».

– ???

Семичастному даже не пришлось играть удивление: сто процентов достоверности. А Брежнев, словно не замечая потрясения соратника, неопределённо и даже равнодушно пожал плечами. Мало того: подработал телодвижению ещё и мимикой аналогичного содержания.

– Он даже вспомнил «Три мушкетёра» Дюма.

– ???

Семичастный ещё раз не изменил формату удивления: Шелест читает романы?! Да ещё «цитирует в контексте»?! Брежнев тоже не стал оригинальничать: продублировал реакцию.

И с тем же олимпийским спокойствием. Так, словно речь шла за нечто, совершенное отвлечённое.

– Ну, ты помнишь сцену, где Ришелье говорит Миледи о случае, который изменяет ход истории?

Семичастный во все глаза уставился на Леонида Ильича: о дичи на вертеле он и забыл.

– Вы это – серьёзно?!

Несмотря на свою относительную молодость, Владимир Ефимович был уже человеком «битым» и «тёртым». Он сразу расшифровал «намёк».

– Ну, почему это: «вы»? – великодушно «отказался от лавров» Брежнев. – Это не «вы», а Пётр Ефимович предлагают. Лично.

Леонид Ильич – «на всякий пожарный» – слегка покривил душой, приписав авторство затеи Шелесту. А вся «вина» того заключалась лишь в том, что своей фразой без подтекста и «задних мыслей» он навёл Брежнева на варианты истолкования. И Брежнев «истолковал».

– То есть, Вы хотите сказать...

За конец вопроса отработали выразительно округлые глаза Семичастного. Леонид Ильич опять равнодушно поиграл плечами.

– Ну, это – всего лишь гипотеза. Хотя я не вижу причин для нервов.

– Хороша «гипотеза»! – задрожал голосом Семичастный. Боязливо оглядевшись, хотя никого кругом и быть не могло, он перешёл на шёпот. – Хороша «гипотеза»! Как Вы представляете себе... хм... реализацию?

По причине здорового чувства страха Владимир Ефимович не захотел «играть в кошки-мышки» – и «вышел открытым текстом». Но сейчас Брежнев только приветствовал откровенность.

– Как это сделать? – не унимался – ни с вопросами, ни с дрожью – Семичастный. – С помощью чего? Яд? Пуля? Кинжал?

– Ну, зачем так конкретизировать? – не слишком убедительно поморщился Брежнев: даже отблески костра на его лице не помешали Семичастному уловить «весёлых чёртиков» в глазах собеседника. – Зачем эти «гастрономические подробности»? Хотя... не проблема. История свидетельствует, что в таком деле все средства хороши. А, уж, сейчас, с развитием современных технологий...

Он усмехнулся и покачал головой, отдавая должное «прогрессу человечества» в этой, весьма специфической, «отрасли знаний».

– Я, вон, читал недавно, что есть яды, которые дают картину смерти от естественных причин: острая сердечная недостаточность, ишемическая болезнь, инсульт и тому подобное. Не надо прибегать к кинжалу. Не надо устраивать автомобильную катастрофу или несчастный случай на охоте: всего лишь «приправь» блюдо – и можешь спокойно готовиться к траурным мероприятиям.

– ...

На более «развёрнутый ответ» Семичастный оказался неспособен: хоть и немолод – а «молодо-зелено». Но Леонид Ильич, словно не замечая потрясения соратника, продолжал утапывать его сомнения.

– Есть ведь и средства, и умельцы. Да, что далеко ходить: наш Майрановский, Григорий Моисеевич, начальник токсикологической лаборатории при Берии. Наверняка остались и препараты, и инструкции...

Даже сейчас, тёмным, поздним вечером, было заметно, как по бледному лицу Семичастного, одна за другой, побежали крупные капли пота: генерал выдавал мужество. Вернее, мужество выдавало генерала. С головой.

Владимир Ефимович понял всё: только что, буквально сейчас, он получил инструкцию к действию! Самую подробную – хоть и закамуфлированную «под мысли вслух»!

– Нет, Леонид Ильич, это невозможно... Я не смогу организовать это... это дело... К нему не подступиться... Он очень недоверчив...

– Недоверчив, – согласился Леонид Ильич, но опять с подтекстом. Так, словно доводил «объект» до готовности. – Но ведь не ко всем. Ты, например, вхож к нему в дом в любое время...

– Нет, Леонид Ильич!

Разбрасывая в стороны капли пота, Семичастный энергично замотал головой.

– Я не могу! И потом: мы ведь – коммунисты! Это же не наш метод!

Неожиданно Леонид Ильич расхохотался. Семичастный растерянно смотрел на него, на себя и даже на свою ширинку, не понимая, чем он вызвал такой приступ безудержного веселья. Нахохотавшись вдоволь, Брежнев вытёр ладонью выступившие слёзы.

– Ну, уморил! Заладил, как попугай: «Я не могу!», «Я не могу!» Как будто я тебя и в самом деле уговариваю проникнуть со склянкой на кухню Хрущёва, отвлечь повара и «сдобрить» любимый борщ «дорогого Никиты Сергеевича»!

– Нет? – растерянно улыбнулся Семичастный. Надежда в его голосе делила место с неуверенностью – и в равных пропорциях.

– Нет, конечно!

Леонид Ильич дополнительно обезоружил собеседника открытой улыбкой «из набора».

– Но – так, чисто теоретически – это было бы лучшим выходом для всех. Вождя, почившего «на боевом посту», проводили бы со всеми почестями. В стенку – а то и за Мавзолей. Никакого Пленума. Никакого позора. Никакой отставки. Никакой пенсии. Знаешь ведь: отставные вожди на пенсии хиреют очень быстро. Что это за жизнь: тление и копчение!

Леонид Ильич мечтательно закатил глаза к небу.

– А всем остальным – какая польза! Конец экспериментам... над людьми! Конец бардаку... в смысле: «великому десятилетию»! Хлеб – народу, земля – колхозу! И-э-э-х!

Леонид Ильич огорчённо махнул рукой.

– Но это – так: мысли вслух. Ты меня понимаешь, Володя?

Володя, разумеется, «понял» – и облегчённо перевёл дух. Потому, что понял всё. И ещё потому, что проникать со склянкой к Хрущёву ему действительно не хотелось – а ведь едва не нагрузили!

– Твоя же задача, Володя...

Брежнев был уже строг и деловит – словно и не было только что «мыслей вслух» под мечтательный взгляд в иссиня-чёрное небо с рассыпанными на нём пригоршнями далёких звёзд.

– ... тщательно оберегать Никиту Сергеевича от любой информации, которая может травмировать его ранимую душу.

Семичастный не выдержал и хохотнул: ай, да, Леонид Ильич! Вот это – человек! Настоящий лидер – и при этом «свой в доску» мужик!

Домой охотники возвращались, оба в целом довольные собой. Леонид Ильич был вполне удовлетворён тем, что отработал ещё один вариант, и тем самым укрепился в мысли о единственно возможном решении вопроса – в Президиуме и на пленуме. А Владимир Ефимович был откровенно рад тому, что удалось избежать «высокого доверия» Леонида Ильича, чуть было не ступившего на сомнительную дорожку семейства Борджиа. Вопреки инструкции, он полагал, что прямая – не всегда кратчайшее расстояние между двумя точками. Иногда чем дальше – тем ближе. «Нормальные герои всегда идут в обход». Но «в другом формате» он был готов и день и ночь работать для достижения цели: где-то – и не так уже далеко – забрезжил свет блистательной политической карьеры...

Глава восьмая

В кабинете раздался тихий шуршащий звонок: так мог звонить лишь телефон прямой связи с «Первым». Леонид Ильич не спеша поднял трубку. Без подобострастия – но и без неумного героизма. Хотя, разве бывает умный героизм?

– Как поохотился, Леонид Ильич?

Спокойный голос Хрущёва вроде не предвещал ничего плохого. Обычно по одним только интонациям его голоса можно было «с гарантией в девяносто девять процентов» предсказать, какой характер примет разговор: Никита Сергеевич был человеком импульсивным и непосредственным. Скрывать эмоции он так не научился. Хотя, откровенного говоря, и не учился. Не хотел: ни учиться, ни скрывать. Философы – и марксисты согласны с ними – утверждают, что бытие определяет сознание. Но если при Сталине Хрущёв и «определился» до вышитых «петушками» рубах и «гопака», то теперь, на десятом году единовластия, зачем ему нужно было «драпировать» себя?!

– А у нас плохо не бывает, Никита Сергеевич! – качественно отработал беззаботность Леонид Ильич. Даже развернул улыбку – так, на всякий случай: «не увидит – так услышит».

– Один охотился?

Это уже походило на допрос. Но ничего сверхъестественного: Хрущёв не умел заходить издали. Не умел и не считал нужным: ни уметь, ни «заходить». Леонид Ильич мгновенно прокрутил в голове, как варианты ответа, так и возможные последствия. Сказать, что был один, он не мог: дуэт видела обслуга. Среди этих людей наверняка были не только люди Семичастного, но и службисты ЦК. Наверняка кто-то из них уже информировал Никиту. Да и Володины «стукачи» вполне могли «служить двум господам» – и даже большему их количеству. И всем – одновременно.

– Нет: с Семичастным.

Брежнев выдержал непродолжительную паузу, и многозначительным голосом добавил:

– И не столько на охоту, сколько для «крупного разговора».

– А что такое? – заинтересовался и даже встревожился Хрущёв.

Леонид Ильич постарался максимально протяжно вздохнуть в трубку. Получилось неплохо: кажется, не переиграл. С эмоцией, А, вот, Никиту уже начал переигрывать.

– Ну, Вы же знаете, Никита Сергеевич, о последних «успехах» нашей агентуры в Европе...

– Знаю, – отозвался за Хрущёва его мрачный голос. Никита Сергеевич «был в курсе». И «пребывание в нём» не доставляло ему ни малейшего удовольствия: провалы «впечатляли».

– Ну, вот, – продолжил «сокрушаться» Леонид Ильич. – Нужно было решить вопрос обмена: Семичастный доложил, что его люди тут кое-кого «зацепили» и через посредников договорились об обмене... Хотел согласовать...

– Ну, хоть что-то! – частично подобрел Хрущёв.

– Ещё нужно было обсудить практические вопросы организации резидентуры. Я, конечно, мог пригласить его к себе... Но Вы же знаете, Никита Сергеевич, какой это ранимый человек...

– И правильно поступил, Леонид Ильич, что вытащил его на природу! А то сразу бы начал дуться: «ущемляют!»

Ни намёка на тревогу уже не содержалось в голосе Хрущёва. Брежнев рассчитал всё точно: хоть Семичастный и был одним из любимчиков Хрущёва – и даже «другом семьи» – Никита Сергеевич требовал работы от всех. Даже от любимчиков и «друзей».

И то, что Брежнев выбрал в компаньоны Председателя КГБ, не могло насторожить Никиту Сергеевича априори. В круг вопросов, которыми занимался Леонид Ильич в качестве

«Второго» секретаря ЦК, входили и вопросы обороны и обеспечения государственной безопасности. Брежнев был главным куратором МО, ВПК и КГБ по линии партии. Поэтому кому, как не ему, и заниматься «успехами» резидентуры – вместе с Председателем КГБ!

– Я, вот, о чём хочу тебя попросить, Леонид Ильич...

Хрущёв уже не только утратил интерес к «охотничьему вопросу», но и забыл о нём. Как минимум – на время телефонного разговора.

– ...Я, конечно, мог бы сделать это и сам. Но пойдут разговоры... пересуды...

Никита Сергеевич замялся. Это было удивительно: не по-хрущёвски. Но – только это: всё остальное Брежнев уже услышал. И услышать ему не помешало даже то, что Хрущёв ещё ничего не сказал.

– А что случилось, Никита Сергеевич? – правдоподобно «заинтересовался» Леонид Ильич.

– Неприятный вопрос...

Хрущёв всё никак не решался «открыть душу».

– Да ты и сам, наверно, знаешь...

– Что именно?

В другое время Леонида Ильича позабавила бы ситуация формата «я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Но не сейчас.

– Игнатов! – наконец-то, решился Хрущёв.

Брежнев корректно откашлялся в трубку. Никита Сергеевич «по достоинству» оценил деликатность Леонида Ильича.

– Вот именно, Леонид Ильич: «кхе-кхе»! Вопрос, вроде бы и простой: яйца выеденного не стоит. И вместе с тем...

Он вдруг не выдержал: лимит корректности иссяк.

– Трепло проклятое! Ну, дали тебе пинка под зад – за дело, кстати, вернее, за безделье и интриги – так будь мужиком! Не уподобляйся бабе! Неси свой крест с достоинством – как тот Иисус на Голгофу!

Леонид Ильич мог только благодарить связь за то, что она ещё не дошла до передачи изображения. Не то Первый видел бы сейчас, что его верный соратник отнюдь не торопится разделить горечь «дорогого Никиты Сергеевича». Правда, это не помешало Брежневу качественно «опечалиться в трубку»:

– К сожалению, и до меня дошли эти его сплетни...

Лобовым признанием Леонид Ильич выбывал «шпагу» из рук Хрущёва: тот явно сочетал огорчение с зондажем. На предмет осведомлённости Брежнева. И это не было предположением: Никита Сергеевичем являлся мастером на такие дела в любом состоянии. Поэтому Леонид Ильич решил, что лучше будет самому «расколоться». В «упреждающем порядке».

– И ты тоже слышал?!

«Ай, да, Брежнев! Ай, да, сукин сын!» – законно мог похвалить себя Леонид Ильич. Он не ошибся насчёт Никиты Сергеевича: тот «и в горе» не обходил соратников... оперативной разработкой.

– Слышал, конечно.

Для пользы дела Леонид Ильич усилил «досаду» в голосе.

– И даже – лично от «автора».

– Даже так?! – насторожился – и почти обрадовался Хрущёв: не зря «вскапывал».

– Да, – не изменил «удручённости» Брежнев. – Приглашал я его тут, как-то по вопросу повестки сессии – ну, он меня и «просветил» насчёт Вас.

Несмотря на то, что Леонид Ильич голосом подчеркнул ироническое отношение к «факту просвещения», на том конце провода не слышно было и дыхания Хрущёва. Никита Сергеевич не дышал потому, что работал. И уже – не только над Игнатовым, но и над Брежне-

вым – тоже. А, что: глядишь, что-нибудь путное и получится! Не заговор – так хоть афронт: какое-никакое – а основание для оргвыводов!

– Я ему прямо сказал, Никита Сергеевич: Игнатов, попридержи язык! Длинный язык может повредить шее!

Леонид Ильич назвал российского «президента» по фамилии специально для Никиты Сергеевича. Для того, что усладить его слух и умаслить душу. Хрущёв был в курсе того, что Игнатов с Брежневым – «ветераны обоюдной неприязни». Причиной тому была невероятная амбициозность Игнатова, который, не удовлетворившись чином секретаря ЦК, метил ещё выше, считая, что только он один достоин места второго человека в партии. По этой причине Брежневу им отводилась роль «объекта пренебрежения»: какой-никакой – а конкурент. Хрущёва, приверженца установки «Разделяй и властвуй!» это вполне устраивало. И прежде, и сейчас. И бдительности Никита Сергеевич не спешил утрачивать. Даже – после того, как, Игнатов соответствовал библейской истине: «и первые станут последними»: метил в боссы – а угодил в «политический отстойник». Перед окончательным выходом в тираж.

– А он – что?

Брежнев автоматически пожал плечами. Но тут же «исправился»:

– Ну, Вы же знаете Игнатова, Никита Сергеевич! Он – из тех «горбатых», которых лишь могила исправит! Но, мне кажется...

Леонид Ильич мастерски выдержал паузу, которую не мог выдержать Хрущёв. И тот так и сделал: не выдержал.

– Ну, что? Что тебе кажется?

– Мне кажется, всё это от того, что переживает мужик. Падение своё переживает. Никак не может успокоиться. И Вы абсолютно правы, Никита Сергеевич...

– В чём?

Хрущёв и не заметил, как Брежнев «перевёл стрелки на него»: «ты говоришь». Не Брежнев, а Иисус из Назарета! Что значит: опыт борьбы... с товарищами по партии!

– В том, что ничего другого за его словами не стоит: только личная обида. И, если не простить, то, уж, понять его можно: скатился, как ком с горы...

– ...

Хрущёв явно не определился с реакцией. И, поскольку он не спешил братья за слово, за него взялся Леонид Ильич. Даже – за них обоих: и за слово, и за Никиту Сергеевича.

– Но я с ним поговорю ещё раз, Никита Сергеевич. Проведу, так сказать, «профилактическую» беседу. Предупрежу, чтобы не болтал, что попадя. А заодно намекну: «как тебя избрали на должность – так и обратно могут «избрать»... И не только из ЦК, но и из партии...

– Вот это правильно, Леонид Ильич! – оживился Хрущёв. Такую решительность в отношении «покусителей на себя» он только приветствовал. – Пусть знает, что я... что мы этого дела так не оставим! Только ты, Леонид Ильич, не откладывай разговор в долгий ящик.

– Да что Вы, Никита Сергеевич!

Телефон не помешал Леониду Ильичу «приложить руки к груди».

– Завтра же и поговорю. Как раз, и повод имеется: взаимодействие местных Советов с партийными органами по вопросу организации социалистического соревнования.

– Добро, Леонид Ильич. Как составишь разговор, не сочти за труд позвонить.

– Непременно!

Леонид Ильич посчитал не лишним «плеснуть души в трубку».

– Могу даже лично зайти с докладом!

– Нет-нет, Леонид Ильич!

На том конце явно замахали руками: в трубку «потянуло ветерком».

– Не хочу отрывать тебя от работы: хватит и звонка!

– Будет сделано, Никита Сергеевич!

Леонид Ильич мягко опустил трубку на рычаги, и некоторое время отработывал лицом за всех литературных авантюристов сразу...

... – Игнатов пришёл.

Виктор Андреевич Голиков, помощник Брежнева уже на протяжении семи лет, не столько информировал, сколько запрашивал санкции: запустить или «довести до готовности»? За эти годы они с Леонидом Ильичом они сработались настолько, что понимали друг друга с полуслова и даже с полувзгляда.

– Приси.

Николай Григорьевич Игнатов – лобастый, крупноголовый – и сам весь крупный, «основательный» здоровяк с пышной шевелюрой, энергично вырос на пороге брежневского кабинета. Широкая его улыбка сделала это ещё раньше.

– Здорово, Лёня!

Игнатовская пятерня звучно шлёпнула о протянутую Брежневым ладонь. Леонид Ильич вздохнул.

– Ну, Коля: никакой конспирации...

Улыбка поползла с лица Игнатова, который уже устраивал зад – естественно, без приглашения – в одном из «гостевых» кресел.

– А что такое?

– Ты бы ещё на всю Старую площадь крикнул: «Здорово, Лёня!»

Досаду в голосе Леонид Ильич подкрепил разведёнными в стороны руками.

– ??? – честно не понял Игнатов: «а что такого я сделал?!»

– Ты же меня до сих пор «терпеть не можешь»! – укоризненно напомнил «легенду» Брежнев. – Забыл, что ли? А ты орёшь, будто дружка завидел! Как это ещё ты не добавил: «Ну, что, Хруща сегодня валить будем, или обождём до завтра?»

Игнатов сконфуженно опустил голову: крыть было нечем. Разве, что – матом. Но это – исключительно для Никиты Сергеевича. Прав был Лёня: ещё совсем недавно, каких-нибудь полгода тому назад, он открыто демонстрировал неприязнь не только к Хрущёву, но и к Брежневу, и к Подгорному, и к Полянскому. И неприязнь его была высшей пробы: двадцать четыре карата!

Никита Сергеевич не ошибался в оценке взаимоотношений Брежнева и Игнатова. Они, мягко говоря, были «далеки от дружественных» – и даже просто «товарищеских». Но эта оценка была верной до сентября прошлого, шестьдесят третьего года. С той поры отношения, «ни с того, ни с сего», претерпели изменения. И изменения существенные: с «минуса» на «плюс».

Без «промежуточной стадии». Брежнев даже вынужден был попросить Игнатова «понизить градус приязни». Уж, очень бросались в глаза эти стремительные перемены. Многим – но, как ни странно, не Никите Сергеевичу. Не увидел почему-то Хрущёв то, что надо было увидеть.

А другие не просветили. То ли полагали, что сам видит, то ли не захотели «страдать за правду». Потому, что за правду у нас издревле одна награда: страдание. На этом ещё ни один вождь не сэкономил.

– Вчера у меня был разговор с Никитой...

Внушительным взглядом Леонид Ильич пригвоздил Игнатова к креслу.

– ... по твоему поводу.

– ...

Как человек бывалый, Николай Григорьевич обошёлся без изумления формата«???»: «сколько верёвочке ни виться...» Да и жизнь научила «держаться удар». Хотя бы потому, что только этим ему и приходилось заниматься. Но вопрос был – в связи с его «персональным вопросом».

– Наказал «приструнить» тебя.

Игнатов ухмыльнулся.

– Не по адресу обратился, гнида!

– Вот-вот!

Укоризны в голосе и взгляде Леонида Ильича, как минимум, не стало меньше.

– Ты не меняешься: всё – в ту же дуду! Совсем не смотришь – ни «под ноги», ни «по сторонам»! А ведь можно споткнуться.

Леонид Ильич разорвал пачку сигарет «Новость» – своих любимых – нервно извлёк одну и чиркнул спичкой. Жадно затянувшись, выпустил густую струю дыма в сторону окна.

– Осторожнее надо быть, Коля!

Укоризна уже перешла в разряд «мягкой».

– Так ведь можно «просветить» Никиту не только насчёт себя, но и насчёт нас, и насчёт дела! Я понимаю, что тебе время от времени надо «раскрываться»: такая у тебя работа. Но не всё же время и не везде!

Попыхивая сигаретой, Леонид Ильич прошёлся за спиной поникшего головой Игнатова. В отличие от другого, более известного «жителя Кремля», он не жаловал прогулки по кабинету, но сейчас не мог усидеть на месте: и «железные нервы» – не железные.

– А ты «звонишь» о своей неприязни к Хрущёву на каждом шагу! И, ладно бы, ты выступал с прежним «репертуаром»! Так, нет: тебе понадобилось «извещать» всех о том, что Хрущу скоро конец! Ну, это же – ни в какие ворота!

Игнатову тяжело было переносить критику: и так – не мёд, а тут ещё – характер. Но деваться было некуда: и сам понимал, что «хватил лишку».

Поэтому ему не оставалось ничего иного, как «подставлять спину под груз». Хотя этот «крест», пусть и был увесистым, явно не тянул на «крест великомученика»: сам «заказал».

– И потом, Коля...

Брежнев подошёл к хрустальной пепельнице и раздавал окурки. Брезгливо вытер пальцы свежим полотенцем.

– Ты, уж, слишком резко поменял отношения ко мне, к Подгорному, к Полянскому, к Шелесту. К другим товарищам, к которым ты прежде не питал добрых чувств. Все же видят это, Коля! Удивляюсь, как это ещё Никита не поинтересовался у меня: с чего бы это Игнатову так возлюбить недругов?! Ты же не Христос? А ты, как назло, во всеуслышание поёшь осанну: «Ах, Брежнев! Ах, Подгорный!»

Игнатов виновато засопел. В другое время он бы нашёл, чем и как ответить Брежневу. Даже искать не стал бы: всё – под рукой. На языке, то есть: другого такого «знатока местных идиом» ещё поискать надо было.

Но сейчас он не мог: как-никак, а Брежнев – командир. Руководитель «подполья», хоть и «заоблачного», кремлёвского. И от его благополучия напрямую зависело благополучие Николая Григорьевича. Можно было сколько угодно твердить себе, что ты не хуже, что ты ровня, но факт оставался фактом: «... и Лёня Брежнев в бой нас поведёт!»

– Ладно, «проехали», – «поставил точку» Леонид Ильич: голосом и «дланию» на плечо Игнатова. – Надеюсь, ты сделаешь выводы.

– Сделаю, – «признал ошибки» Игнатов.

– Ну, и лады.

Брежнев показал Игнатову рукой на диван. Это являлось и свидетельством уровня отношений, и предложением «заняться делами». Николай Григорьевич именно так расценил жест хозяина кабинета.

– Я только что с Поволжья.

– ... – отработал бровями Леонид Ильич. Игнатов улыбнулся.

– Всё хорошо, Лёня. Народ на местах настроен положительно. А некоторые прямо рвутся в бой. Например, Школьников – первый секретарь Волгоградского обкома. Мне даже пришлось ему говорить слова, которые я только что услышал от тебя в свой адрес.

– Обижаешься? – не пожалел широты для улыбки Брежнев.

Игнатов махнул рукой.

– Я – не в претензии!

Лукавил Николай Григорьевич. Да и Брежнев «так ему и поверил». Не такой человек был Игнатов, чтобы «так просто» «отрясти прах»: дай срок. Но останавливаться на этом сейчас не стоило: ещё будет время и для сбора камней, и для их разбрасывания.

– Что – по Северному Кавказу?

Улыбка Игнатова уже не помещалась на лице. Чувствовалось, что мужик доволен итогами, а больше всего – самим собой.

– «Отработал» всех, Леонид Ильич. Всех, кого не успел «отработать» Кулаков. Федя – молодец: к моему приезду на отдых даже самых неподдающихся «довёл до готовности». Мне осталось только «передать братский привет из Москвы», чтобы закрепить результат.

Игнатов восхищённо покрутил головой.

– А как Федя организовал встречи: «высший разряд»! Что значит: талант! Мало иметь хорошую природу: надо ещё к этой природе хозяина приложить!

Леонид Ильич тактично сносил лирическое отступление, но Игнатов и сам понял: время переходить к персоналиям. И он оперативно «подсушил» голос.

– Итак, Леонид Ильич, со мной «отдыхали» первые секретари Камчатского, Белгородского, Вольнского и Саратовского обкомов. Это – те, кого мне пришлось «обрабатывать» лично. Секретарей Чечено-Ингушского обкома, Краснодарского крайкома и Армянского ЦК – Титова, Воробьёва и Заробяна – я «обрабатывал» уже «по второму кругу». Первых двоих «подготовил» Кулаков. Заробян приехал на отдых уже также готовым: там явно поработал Васо. Так что, Лёня, большинство ЦК уже сейчас – за нами. А будущий юбилей «Лысого» только добавит нам сторонников!..

... – Тбилиси на проводе, Леонид Ильич, – доложил «по внутреннему» Голиков. – Мжаванадзе.

Брежнев поднял трубку, ещё «по дороге» успев «обрасти» добродушной улыбкой. Он искренне симпатизировал этому весёлому, никогда не унывающему грузину. Симпатизировал, несмотря на то, что в ЦК регулярно поступали «сигналы» из республики о взятках, злоупотреблениях, хищениях и кумовстве, махровым цветом распустившихся при первом секретаре ЦК. Такого не было даже при бериевском протееже Чарквиани, не говоря уже о заменившем того ненавистнике Берии Мгеладзе.

Но не только Брежнев закрывал глаза на эти «мелкие шалости». Хрущёв не хуже обрабатывал «Пилатом у умывальника». А всё потому, что Мжаванадзе на каждом углу в самых цветистых выражениях – восточный человек! – превозносил заслуги Никиты Сергеевича, по большей части, мнимые, и всегда с энтузиазмом голосовал за любые его предложения. Голосовал сам – и обеспечивал голоса членов и кандидатов в члены ЦК как от своей республиканской парторганизации, так и от соседних Армении и Азербайджана.

Леонид Ильич же «не замечал сигналов» по другой «уважительной» причине: Мжаванадзе – умный и беспринципный делег, но исключительно свойский мужик – был одним из «передовиков» и даже «застрельщиков антихрущёвского движения» на периферии. Он обладал исключительно ценным качеством, особенно важным для Брежнева сейчас: если за что-то брался – то доводил начатое до конца.

Поручая ему «обработать» Закавказье, Леонид Ильич был уверен: за голоса представителей Грузии, Армении и Азербайджана в ЦК можно не беспокоиться. А ради этого не грех потерпеть и мздоимство, и самодурство «дорогого Васо».

– Слушаю тебя, генацвале!

В такой фамильярности не было ничего необычного: сам Никита Сергеевич, пребывая в хорошем расположении духа, лишь так и обращался к Мжаванадзе. Он помнил и ценил ту поддержку, которую в июне пятьдесят седьмого оказал ему Мжаванадзе на Пленуме ЦК в борьбе против Молотова, Маленкова и Кагановича.

– Здравствуй, дорогой! – отозвалась трубка, да так громко, что Леониду Ильичу пришлось отдернуть руку вместе с зажатой в ней трубкой: жизнерадостность так и била из абонента на том конце провода. И не иносказательно: по ушам собеседника. – Как твоё драгоценное здоровье?

Вопрос был банальным и вполне уместным в устах «кавказского человека». Но в данном случае он не имел отношения ни к медицине, ни к этикету: «состояние здоровья» – это положение дел в Москве, и, прежде всего, «телодвижения» Хрущёва. Ещё находясь на отдыхе в Пицунде, Брежнев подробно растолковал Мжаванадзе парольное содержание невинного вопроса.

– Спасибо, Васо: я – в добром здравии! Ты-то как?

Информация о состоянии здоровья «московского генацвале» явно обрадовала «генацвале тбилисского».

– А разве на Кавказе можно «самочувствовать» плохо? – в тон ему откликнулся Мжаванадзе. – Это ведь – Кавказ! Мы все здесь – совершенно здоровые люди!

Расшифровка не требовалась: Мжаванадзе успешно «отработал» руководство парторганизаций закавказских республик. Об этом говорили его слова за весь Кавказ: в противном случае он упомянул бы только Грузию. Брежнев так его и инструктировал: «Разве в Грузии можно чувствовать себя плохо?! Не то, что у наших соседей!»

Леонид Ильич был доволен: он не зря полагался на Васо, поручая именно ему «профилактическую работу с товарищами». Да и у Хрущёва частые застолья Мжаванадзе с соседями не могли вызвать подозрений: хлебосольство грузинского лидера и его сибаритские наклонности давно уже стали «притчей во языцех».

– Когда будешь у нас, дорогой?

Леонид Ильич вздохнул в трубку. На этот раз – непритворно.

– Ох, генацвале: рад бы в рай... Дел – невпроворот! Вот, будешь на юбилее Никиты Сергеевича – там и поговорим. Может, к тому времени что-то и прояснится. «По линии «окна».

– Жду с нетерпением! – прокричала трубка. Брежнев усмехнулся.

«Ну, ещё бы!»

Леонид Ильич знал, что честолюбивый Мжаванадзе давно уже спит – и видит себя полноправным членом Президиума: кандидат – это как-то несолидно. И неважно, что по негласной партийной традиции это был «потолок роста» для руководителя союзной республики. Членом Президиума – или раньше Политбюро – мог стать только глава парторганизации Украины. Даже белорусы не могли и мечтать об этом. И пример их лидера Пономаренко – не показатель. Да не пример вовсе: к моменту избрания членом Президиума на девятнадцатом съезде он был уже секретарём ЦК ВКП (б) – с сорок восьмого года. В те же годы, когда он возглавлял Компартию Белоруссии: с тридцать восьмого по сорок седьмой – он не был даже кандидатом в члены Политбюро: в тридцать девятом, на восемнадцатом съезде партии, его избрали «всего лишь» членом ЦК.

С «оптимизацией» Хрущёва Мжаванадзе не без оснований связывал исполнение давней мечты: член Президиума – совсем другой уровень. И не только потому, что это «звучит солидней». И даже не потому, что это – «дверь в большую политику». Причина была иной: требовалось срочно «прикрыть задницу». Уж, слишком основательно «наруководил» «дорогой Васо». По линии многочисленных «друзей» и ещё более многочисленных «следов», которые он оставил совсем даже не «на пыльных дорожках далёких планет». Чин же «давал охранную

грамоту». От Васо требовалось лишь одно... нет, пожалуй, два: сохранить «верность линии», и не утратить «политическую» бдительность...

Глава девятая

Как писали в газетах, как уверяли по радио и телевидению, «вся Советская страна, весь советский народ с небывалым энтузиазмом чествовали своего испытанного руководителя Никиту Сергеевича Хрущёва в день его славного семидесятилетия».

Отчасти это соответствовало действительности: шуму было много. Постарались средства массовой информации: газеты, радио, телевидение. Плюс средства наглядной агитации: вся страна была увешана кумачом с типовыми здравницами и приветствиями. По экранам кинотеатров опять прошёл – с помпой, но без особого успеха – радужный панегирик Хрущёву под названием «Наш Никита Сергеевич»: «скромненько – и со вкусом». Разумеется, были многочисленные рапорты с мест «о досрочном выполнении и перевыполнении» «по поводу и в честь».

Апофеозом торжественных мероприятий явилось вручение Хрущёву медали «Золотая Звезда», ордена Ленина и Грамоты Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Никите Сергеевичу звания Героя Советского Союза. А вот здесь «двор» перестарался. Присвоение именно этого звания вызвало «в широких слоях общества» не совсем ту реакцию, на которую рассчитывали кремлёвские «массовики-затейники». Но в то же время – именно ту и такую, какой и желали представители «другого лагеря». Они тоже внесли свой вклад – в представление в Президиум Верховного Совета. Только – с совершенно противоположными целями.

Народ и партия, «горячо одоблив», неодобрительно отнеслись к «возведению» Хрущёва «в достоинство» Героя Советского Союза. Ладно, если бы уже трижды Герой Социалистического Труда покусился на четвёртую медаль «Серп и Молот»! Люди бы посмеялись над «монаршей страстью к коллекционированию» – тем бы дело и кончилось. Но Никита Сергеевич затребовал «признать свою жизнь подвигом»! Четвёртого звания Героя Социалистического Труда ему уже было мало. Хотя и таким способом он «присоседивался по совокупности» к четырём званиям Героя Советского Союза маршалу Жукову. Но Никита Сергеевич возжелал «Золотой Звезды». И даже возжаждал. Ну, так как в своё время «Маршальской». Правда, ту ему так и не «выдали»: один лишь Ерёмченко, инициатор ходатайства, и поставил свою подпись под опросным листом.

Теперь же Никита Сергеевич брал реванш: «фэ!» маршалов-фронтовиков – «по боку»! В желании стать непременно Героем Советского Союза Первому секретарю ЦК активно подыгрывали все «наверху». Но если такие персонажи, как Микоян, Суслов и Аджубей руководствовались при этом одним лишь желанием «потрафить» капризам вождя, то другие преследовали другие цели. И то: если сами – «другие», то и цели – тоже. И тех, других, было уже большинство. Возглавлял их – и его – Брежнев.

– Говоришь, собрался в Герои?

Подгорный «утвердительно ослабил»: только что «под большим секретом» Микоян, с которым Хрущёв особенно сошёлся в последнее время, поделился с ним новостью. Даже намекнул на то, что сегодня фельдъегеря правительственной связи начнут развозить по членам Президиума «фишку» – опросный лист для награждения или выдвижения.

– Ну, что ж: потрафим благодетелю? – не поскупился на ухмылку Леонид Ильич. – А, товарищи?

Сидящие за столом члены Президиума ЦК дружно расхохотались. Самого Никиты Сергеевича на заседании не было. Демонстрируя «фирменную» неусидчивость даже в канун личного юбилея, он с утра пораньше отправился в поездку по городам и весям: «посрамлять бездельников в Президиуме», а заодно и – набираться материалов для пленума по сельскому хозяйству. Отсутствие юбиляра не помешало товарищам «горячо одобрить линию партии» – а заодно и внесённое предложение...

«Золотую Звезду» крепил к лацкану мешковатого костюма Хрущёва сам Брежнев. Крепил не от избытка лакейских чувств, а по должности – как Председатель Президиума Верховного Совета СССР, которому и полагалось исполнять ритуал. Ничего, кроме чувства гордости за оказанное доверие, на его сияющем лице не просматривалось. В разведке Леонид Ильич не служил, но сейчас посрамлял всех разведчиков сразу. А заодно – и артистов, играющих разведчиков.

После вручения полились речи – мёдом и патокой. Ни одна из них, разумеется, и близко не стояла с правдой. Ни одна не была хотя бы в меру лживой. Всё было предельно обострено, окарикатурено и превращено в фарс. Пиком славословия, возведённого в степень неприличия, стал застольный тост Шелеста:

– За вождя нашей партии!

Никто до сегодняшнего дня так не воздвигал Хрущёва. Ни во что не ставя соратников, Никита Сергеевич любил игру под названием «*primus inter pares*»: «первый среди равных». Ведь контрастировать со Сталиным полагалось во всём.

Поскольку «от радости в зобу дыханье спёрло», Хрущёв «скушал» тост, «не подавившись». Но видел бы он, как искривилось лицо Нины Петровны! И не потому, что она была шокирована таким «градусом верноподданности». Нина Петровна давно уже вошла в роль «первой леди», хотя не имела ни данных, ни талантов – ни для этой должности, ни для какой другой. И не славословия её впечатлили, а лицо автора. Вкупе с лицами остальных «соратников», которые тут же потянулись к виновнику торжества с бокалами и рюмками. Если Шелест, произнося тост, смеялся «всего лишь» глазами, то остальные работали лицами. От внимания Нины Петровны не укрылось, какими взглядами «поверх бокалов» обменялись между собой Брежнев, Подгорный, Полянский и Шелепин.

Придя домой, она долго не могла успокоиться.

– Какое бесстыдство! Никакой партийной скромности! Никакой совести! Всё – ложь и лицемерие!

Слушателями этого страстного монолога были только сын с дочерью да четыре стены: Никите Сергеевичу Нина Петровна сказать этого не могла. Не понял бы Никита Сергеевич. Ещё и накричал бы на супругу: «ничего не понимаешь в политике, а лезешь! Хочешь поссорить меня с товарищами?» А что: за Никитой Сергеевичем «не заржавело бы»...

Юбилей «вождя» оказался рубежной датой для «заговорщиков»: после него работа по подготовке «решающего выступления» пошла с удвоенной энергией. Не помешала ей даже июньская сессия Верховного Совета, на которой Брежнев «попросил» освободить его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с необходимостью полностью сосредоточиться на работе «Второго» секретаря ЦК.

«Попросил» Леонид Ильич сам – но вот Леонида Ильича «попросил» Никита Сергеевич. Даже не столько Никита Сергеевич, сколько жизнь. Понимание жизни. Все – не один только Брежнев – поняли, что Хрущёв «укрепляет тылы». Узнал, догадался или «на всякий случай» – но укрепляет. На место Брежнева была предложена кандидатура «специалиста по бегу между струйками» Микояна – «верного соратника» всех вождей, независимо от их политических взглядов.

В последнее время Микоян был в фаворе у Хрущёва: Никита Сергеевич определённо нуждался в «ловкачах». Становилось ясно, что, выдвигая на формально высший государственный пост «своего человечка», Хрущёв пытался заручиться поддержкой Верховного Совета на случай «форс-мажорных обстоятельств». Он ещё не «дошёл до того», что эта попытка – с негодными средствами.

Леонид Ильич не стал цепляться за должность. А что цепляться: должность-то – церемониальная! Поэтому он безболезненно, без слюней и надутых губ, расстался с «портфелем», который носил четыре последних года. Ожидавший упрёков и обид, Никита Сергеевич был

неприятно поражён тем спокойствием, с каким Брежнев отнёсся к предложению «сосредоточиться на работе в ЦК». А ведь он – дабы «подсластить пилюлю» – предложил расширить круг полномочий «Второго секретаря». Теперь в него входили надзорные функции не только в отношении министерства обороны, КГБ и оборонного комплекса, но и в отношении Министерства охраны общественного порядка и министерства тяжёлой промышленности. Де-факто Хрущёв сам вручил Брежневу «ключи от кремлёвского поднебесья».

Разумеется, от такой «нагрузки» Леонид Ильич отказываться не стал. Пост номинального «президента» его больше не интересовал: все его помыслы были направлены на получение другого кресла...

– Лёня, не пора ли расширить «круг друзей»?

Подгорный одновременно и спросил, и озаботился.

– Ты имеешь в виду кого-то персонально? – двинул бровью Леонид Ильич.

– Да. Надо подключать молодёжь. В первую очередь, Шелепина и Егорычева. Также Ефремова. Пора уже «отработать» и Воронова: хватит его «обхаживать». Кстати, ты собирался переговорить с Андроповым и Устиновым...

Брежнев широко улыбнулся.

– Не «нагнетай», Коля: всё – под контролем. С людьми я переговорил. Как я и предполагал, никаких проблем с их вовлечением в работу не возникло. Да и не могло: я слишком хорошо знаю этих людей. Но и у меня есть вопрос.

– ?

– Ты должен был «отработать» Демичева и Косыгина. И как: «отработал»?

Подгорный неожиданно виновато улыбнулся – и замялся.

– ??? – «подвигнул» соратника Леонид Ильич. Николай Викторович вынужденно поднял «упавший» взгляд.

– Знаешь, Лёня, я подумал, что с интеллигентами мне, «простолюдину», разговаривать не с руки... ну...

– «Не с языка», – ухмыльнувшись, первым оказался у слова Брежнев.

– Да. Поэтому я попросил сделать это Митю Полянского. Ну, не в службу, а в дружбу.

– Нашёл, кого просить! – покривил щекой Брежнев. – Ты же знаешь, что у Косыгина с Полянским отношения, пусть и не, как и у кошки с собакой, но не складываются. Алексей Николаевич всё время подозревает Митю в том, что тот намерен его «подсидеть». Ранимая душа.

Подгорный не выдержал.

– А кто тогда должен с ним говорить? «Ранимая душа»! Не люблю я, Лёня, этих интеллигентов!

Брежнев рассмеялся и обнял Подгорного за плечи.

– Ладно, Коля: я сам поговорю с ними обоими. С Демичевым я проблем не вижу: как и Шелепин, Пётр Нилович в отношении Хруща настроен конструктивно: «гнать в три шеи».

– Так ты уже говорил с Шелепиным?

Улыбка Брежнева увеличилась в размерах.

– Ну, для начала я поручил его «заботам» Семичастного. Но там и «заботиться» было не о чем: по части «крепких выражений по известному адресу» Шурик уже может составить конкуренцию Игнатову. Ну, а после того, как Володя доложил мне о выполнении задания, я переговорил с Александром Николаевичем лично. На охоте: Шурик – не ахти, какой охотник, но страсть, до чего обожает участвовать в заговорах... особенно на природе!

«Заслушав отчёт» лучезарно улыбающегося друга, Николай Викторович мог теперь хохотнуть от души и «без сердца»: дела складывались неплохо.

– Я же тебе говорил: наш человек. Ждёт, не дожётся, когда его позовут. Ну, вот и дождался – и даже уже включился. Ну, ты же знаешь наших «комсомольцев»!

Отсутствие слуха и голоса не помешали Николаю Викторовичу затянуть: «Комсомольцы, добровольцы...». «Оборвав крылья песне» почти «на взлёте» – и очень мудро: слышать этот «вокализ» было сродни подвигу – он тут же подключился к хохоту Леонида Ильича. Долго хохотать не пришлось: вспомнил за минор.

– Но, как же, всё-таки, быть с Косыгиным? Он ведь не кот, который гулял сам по себе...

– Я же сказал тебе: это – моя забота.

Подгорный немедленно успокоился: слово Брежнева по кадрам – считай, уже дело. «На все сто». Он даже не стал просить Леонида Ильича известить его о результате, что делал практически всегда: очень, уж, переживал за общее дело... которое вполне могло стать его личным. Персональным. На Президиуме – и даже на Пленуме. Это – если «особенно повезёт». Такой, вот, «беззаветный» он был «революционер»...

– А с кем армия?..

Разговаривая с Косыгиным, Брежнев не стал «ходить вокруг да около». И не по причине лимита времени: Леонид Ильич всегда приходил к разговору вооружённым фактами и досье. Он никогда не полагался на случай – и к любому экспромту готовился заранее.

И решительность типа «пан – или пропал» не имела отношения к его прямоте: «не наш выбор». Потому что у нас и выбора не должно быть: только – «пан»! Этот итог обеспечивался соответствующим базисом. В случае с Косыгиным он ещё больше упрочился в последние дни: накануне отъезда Никита Сергеевич, не стесняясь в выражениях, в очередной раз «наградил» Алексея Николаевича титулом «вечного текстильщика» – и даже «тряпичника, ни хрена не разбирающегося в экономике».

И ладно бы, если бы Алексей Николаевич «заслужил» это по линии сельского хозяйства: не очень сведущ. Но – за промышленность, за новые принципы хозяйствования?! Косыгин завёл разговор о хозяйственной самостоятельности предприятий. Он давно уже работал над вопросом повышения эффективности работы промышленности. Но Хрущёв, который традиционно полагал себя единственным докой во всём, заявил, что не нуждается в дурацких советах. И ещё добавил: «Как только тебя, такого, Сталин терпел?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.